А. Черняев
Проект.
Советская политика 1972-1991 гг.- взгляд изнутри

1990 год.

1990 год.

1 января 90 г.

Продолжая прошлогоднюю тему: М.С. мне, а потом Шахназарову, потом Яковлеву приметно месяца полтора назад после очередной встречи с иностранцем, сказал: «Я свое дело сделал!»

Поистине так. Но не думаю, что он захочет уйти. Скорее ему придется стать «президентом» и тогда появится еще одна «пауза» - «будут посмотреть», как он распорядится и справится, не обремененный Лигачевым, ПБ и ЦК.

Вернувшись с дачи (под впечатлением оказавшейся у изголовья «Барышни-крестьянки») перечитал «Историю пугачевского бунта». Как все просто было тогда: слова означали то, что они означают, моральные нормы не подлежали сомнению, Отечество всегда было право и т.д. Оттого и язык, который Пушкин привел в соответствие с тогдашней нормой жизни, был прост и ясен.

2 января 90 г.

Я потом вспомнил, взглянув на последнюю запись в дневнике, что ни слова нет о визите М.С. в Италию, к Папе, на Мальту.

Нет совсем времени писать и нет – это главное – умения телеграфно, обобщенно (как, например, в дневнике Блока!) отражать суть своего отношения к происходящему (что, впрочем, многое оставляет совсем непонятным).

Итак: Италия – 24-30 ноября, потом Мальта – теплоход «Максим Горький» с 30 до 2 декабря.

Я привык уже к таким визитам, они меня лично мало волнуют, я стараюсь избегать присутствия на званных мероприятиях (обеды, приемы): и тут тоже был только на одном – в Капиталийском – у премьера. Да, там еще рядом и напротив оказались разговорчивые дамы (с французским) и я позволил себе на своем французском с ними бурно болтать под вино. A propos!

Жил я с М.С.- в «Абамелихе», тут же две секретарши. Некомфортно. И как всегда много работы и суеты, не до вдумывания в суть и всяких размышлений.

Опять и опять, а порой умноженная на итальянский темперамент, фантастически искренняя симпатия людей к нему, не просто популярность…

Не казались значительными и переговоры, и подписанные документы: все это уже было с другими странами и все это мало пока идет в дело (и для нас, и для них). Суть – изменение атмосферы и общей политической ситуации.

Острее всего я почувствовал это в Милане. Это была какая-то массовая истерия. Машины еле-ели перемещались по улицам сквозь толпу. А когда М.С. вышел на площади Ля-Скала и пошел по галереек муниципалитету, происходило невероятное… - сплошная плотная масса, которая едва расступилась, чтобы дать ему сделать несколько шагов. Везде, в окнах, на перекладинах, на любых выступах люди друг на друге. Оглушающий вопль: «Горби! Горби!» Полицию смяли. Охрана – в инфаркте. Только самокультура людей позволила предотвратить давку и «ходынку».

Когда М.С. потом, после речей в Муниципалитете (он свою речь скомкал, потом признался, что он был просто в шоке и не мог подобрать слов), он вышел к машине, прорвались к нему женщины, по одежде явно из высшего света, истэблишмент – со слезами, просто в истерике бросались на стекла машины, их оттаскивали, они вырывались и т.д.

Что это? Мы не знали и не могли понять в прошлом, какой ужас мы наводили на Европу своей военной мощью, своим 1968 годом, своим Афганистаном, каким потрясением для европейцев была установка СС-20. Мы знать этого не хотели: мы демонстрировали

мощь социализма. И вот Горби убрал этот ужас. И страна предстала нормальной, даже несчастной.

Вот что это! И вот почему Горбачев теперь не только «человек года», но и «человек 10-летия».

Еще и еще раз: мы своими революциями больше приносим другим, чем себе.

На Мальту из Милана мы прилетели ночью, но и там у Дворца правительства народ устроил «свалку» в честь Горби.

О Мальте – Горбачев-Буш. Много написано об этом «событии века», обо всем, что с этим было связано. Арбатов, который ненавидит расходы на ВМС в своем еврейско-саркастическом стиле выразился так: я же говорил, что ВМС ни на что серьезно не пригоден, плюс правота «соцреализма» (Это что мы «Максима Горького» предусмотрели и первоначально предполагалось, что встречи поочередно будут происходить то на американском фрегате, то на нашем крейсере, но помешала буря. И переговоры пришлось вести на нашем теплоходе).

Но к делу. При всей окружающей сенсационности события, я ни секунду не испытал придыхания. Мне (может от усталости, от постоянной заботы что-нибудь не упустить, не забыть) казалось происходящее обычным нормальным делом… И М.С. вел себя так, будто он и Буш давно приятели – откровенен и прост, и открыто доброжелателен.

М.С. знает, что не переговоры о том, сколько сократить ракет сегодня или завтра – не это решающее. **Решающее – что СССР и США больше не враги. Это главное.** Хрущев тоже хотел этого, но идеология его подвела. Он хотел выиграть «войну» без войны в пользу социализма и похоронить империализм, не пролив и капли крови.

М.С. не верит никаким идеологиям. Его частые заявления: что нам стреляться что-ль из-за того, что мы верим в разных богов, - это не просто смешливая метафора, это – его убеждение.

Он знает, что никто против нас войны не начнет. И никакой реальной военной угрозы нет. Но армия нужна скорее для престижа великой державы, а внутри, потому что – куда ее сразу деть, когда она превращена в органическое бремя общества, когда одних маршалов и генералов в одной Москве больше, чем в остальном мире! Это проблема политическая и социальная. Хорошо, что Арбатов и «Огонек» тявкают и рвут полы шинели на Язове и Ахромееве, им хорошо! А каково Горбачеву с этой оравой и армадой!

Словом, Горбачев подыгрывал символике, которую так любят на Западе, чтоб покончить с «советской угрозой». Теперь уже действительно, вряд ли кто в нее верит, кроме самых темных… Ибо ее реально нет, пока есть Горбачев и перестройка.

Они оба (М.С. и Буш), действительно, «хорошо» выглядели рядом – и обнадежили все человечество.

С Мальты я не улетел со всеми в Москву, а, как договорились заранее с М.С., вернулся по приглашению Рубби-Оккетто в Рим, переночевав в нашем посольстве. И 5 дней провел в Италии – по улицам, музеям, в гостях у Рубби, у Боффы. Об этом потом.

И еще о Папе. Тоже «для них» великое событие, а для нас оно прошло едва замеченным, даже на Львовских событиях не отразилось. Однако, последствия от такой встречи требуют больше времени, чтобы из оценить. Их будет измерять история. Я не был на самой встрече с Папой один на один (в отличие от встречи с Бушем), но читал потом запись. Они разговаривали, как два добрых христианина, но современные и политизированные.

На сегодня было назначено Политбюро. Еще 31-го меня предупреждали в необычной форме: «Товарищ Горбачев Вас приглашает»… (обычно на такое-то число, такой-то час назначено…) От Яковлева и Гусенкова дошла тревога: будет окончательный «разговор» - кто за что и с кем.

Час назад позвонил Шахназаров. Он там был. Ничего не случилось. М.С. спокойно оценил итоги года (в духе своего новогоднего приветствия), чуть поговорили, сказал об экономической программе (Рыжкова), утвержденной Съездом. Сказал, что надо браться с

первого дня. Заявил, что 90-ый – решающий. Если не изменим снабжение к лучшему, «нам надо уходить». Назначил на 4-ое января президиум Верховного Совета, а на 15 февраля сам Верховный Совет, но вынес на него лишь… закон о налогах! (С собственностью и землей опять тянет).

Потом обсудили тему Съезда. Медведев подготовил Платформу к дискуссии в КПСС – 85 страниц! М.С. предложил сократить до 50, некоторые до 40, Шах выкрикнул: «20!», но меня, - добавил он, - не «услышали». (Значит, мой проект – совсем по боку!)

Предложил Медведев разработать в Платформе тему «трудовой частной собственности»! (Горбачевский приемчик прикрывать старыми словами новую суть – приемчик иногда нужный, а все чаще – тормозной).

Обсудили, как быть с Восточной Европой. М.С. предложил проанализировать и прогнозировать, особо обращая внимание на то, что коммунистов оттеснили от власти, а кое-где уже обрекли на исчезновение. Как, мол, быть с отношениями с компартиями Восточной Европы.

Посетовал опять, что «где опаздываем, взрыв неизбежен», даже в таких благополучных материально странах, как ГДР и Чехословакия.

Обсудили, когда ему ехать в Литву. Один (кто - Шах не назвал) предложил вообще тянуть. Ибо это – последний шанс. И если дела пойдут туда же, то - удар и по престижу М.С., и по авторитету перестройки. Лукьянов добавил (и был прав): «Новая КПЛ будет яростно отстаивать свои решения. Ибо – это единственная возможность что-то получить на выборах. Если она уступит, ее сметут! Словом, без идеи Шаха, без предложения о заключении договора «Литвы с СССР», лучше не ехать – это провал.

Вот и все. И Яковлев, кажется, отмолчался.

Поговорили еще об Азербайджане, где власть фактически у Народного фронта и где все опаснее ситуация на границе с Ираном – готовится прорыв женщины и детей под знаменами Великого Азербайджана!

Ни к чему не пришли.

Словом, М.С. опять в своей роли объединителя, успокоителя и совещателя.

Опасно!

<u>3 января 90 г.</u>

Я все больше прихожу к тому же (с моим-то опытом, в котором вся жизнь и политика упирается в Горбачева): пока он не сбросит с себя «коммуниста, верного социалистическим ценностям», перестройку ему больше не двинуть, ибо общество далеко ушло от этой концепции, а «партия» цепляется за нее, чтобы тянуть все назад – к социализму без Сталина и репрессий, к «тому самому», что был «в основном построен».

Гусенков сообщил, что М.С. с командой выехали в Ново-Огарево готовить Пленум (по предсъездовской Платформе), который назначен на 29-30 января.

1990-ый, видимо, будет последним в моей политической жизни… Что там – «видимо». Наверняка: и точку поставит Съезд партии в октябре. (А я сколько уже уговариваю М.С. собрать Съезд возможно раньше – чрезвычайный, для замены ЦК!).

Вероятно, - это моя физическая жизнь. Не помню, предсказывал ли я ее конец в 89 году? Но сейчас это более правдоподобно.

<u>4 января 90 г.</u>

С утра читал маркиза де Сада. Любопытное чтение, хотя не первый раз обращаюсь к этим двум томам, купленным лет 10 назад в Риме. Во всяком случае просветительский эффект на лицо и кроме того, историческая эпоха! А страсти те же.

В «Дружбе народов» за № 12 – «Иванкиада» Войновича. Отстаю от событий… Зато есть время поразмышлять.

Прогноз мой – спасение в рутинизации перестройки, национализации народа, при условии, если хоть чуть-чуть будет улучшаться с едой в России. Но Союз начнет «сокращаться». Прибалтика станет «договорной» частью Союза… А Россию будут изнутри расшивать татары, башкиры, якуты, коми и т.д.

6 января 90 г.

Оказывается, я напрасно списал свой проект Платформы. На работе в основном восполнял пропущенную за период болезни информацию. М.С. работает в ЦК, но позвонил лишь к вечеру. Говорит: «А я зачитал твой «меморандум» товарищам в Волынском (там все команды сейчас собраны для подготовки материалов к Пленуму и к Литве) Всем понравилось… Пусть поработают, а потом соберемся в узком кругу и доведем все перед Пленумом».

Был весел, бодр. С моей подачи еще до начала Нового года отменил все встречи на январь (Модров, Гази, Асад, Киннок, Абэ, Аурен, Делор, Валенса и еще кто-то). И вдруг вчера утром Фалин мне сообщает, что из машины получил команду готовить на 15 января встречу с Абэ. (Я сразу понял: работа Яковлева, который недавно был в Японии).Пишу для М.С. записку: что, мол, Вы делаете, как это воспримут остальные, которым Вы отказываете?

Вечером, когда он позвонил, я опять с этим пристал. «Да, ладно, Толя, на 20 минут перед телевидением надо ему. А об «источнике» идеи ты правильно догадался (хохочет)… А что касается Киннока и других, обойдемся, лишь бы перестройка была жива!» (Опять хохочет).

Между прочим, вечером до меня дозвонился какой-то американский корреспондент и настырно допрашивал, почему М.С. отменил все встречи? Настолько плохо с внутренним положением? Или он заболел?!

Сегодня по ТАСС уже гуляют эти домыслы. Западу, действительно, до лампочки, что М.С.'у дыхнуть некогда… и времени у него, и забот – не столько, сколько у Буша, Тэтчер, Миттерана, которые могут позволить себе чуть ли не ежедневно фигурять перед прессой.

21 января 90 г.

Сегодня день смерти Ленина. Незаметно.

15 января встреча М.С. с Абэ…- прозрачные намеки по возможности решить «трудные вопросы» (острова). Вся Япония – в дискуссиях и догадках.

М.С. мне потом сказал: «Придется им разочароваться в Горбачеве». Между прочим, Ельцин в эти дни был в Японии и выдвинул разумный план (как и вообще его «лекция» там, к сожалению бьет в точку…, спокойнее он был и в отношении Горбачева, но на опасности и слабости указывает правильно).

16 января была встреча М.С. с Пересом де Куэльяром. Так… вежливая пустота. Как мы ни выжимаем из ООН действенный универсализм – пока лишь символика.

Подготовил для него с помощью Петровского, МИД и Загладина речь на форуме – экология-выживание.19 января М.С. выступил и был, говорят, доволен собой: иностранцы из 83 стран устроили ему «эйфорию» - да еще по контрасту с Совещанием рабочих, крестьян и ИТР в Большом Кремлевском дворце (18-19), где он выступил с уже надоевшими словесами и где его бесстыдно и пошло дергали «представители» рабочего класса… Вываливали безобразия: «знаете вы что творится на местах» с производством?! И т.п. Зачем ему эти «совещания» перед TV?.. Только демонстрируют беспомощность Центра и его лично справиться с экономическим кризисом. Ельцин предсказал, что запас кредита у М.С. остался не более, чем на год.

Вчера утром ПБ тайно заседало по Азербайджану. Иван Фролов потом сказал мне: М.С. склоняется Съезд проводить в июне! Вот и получается по Ельцину: М.С. теперь больше слушает только себя. Я и Фролов доказывали еще летом ему – Съезд надо проводить в 89 году, до Верховного Совета, по крайней мере до Съезда народных депутатов. Все равно к этому пришел, а время опять упущено… И он, стараясь сохранить партию, теряет ее, а главное – остается опутанный Лигачевым и К°, аппаратом оргпартотдела и другими ведомствами, не говоря уже об обкомовских вождях, типа только что изгнанного Богомякова (в Тюмени).

Сам я на форуме не был, так как подбил его дать нам с Шахназаровым поручение полностью переделать Платформу, которую он выносит на Пленум 29-30 января и на предсъездовскую дискуссию. От той, которую готовили Медведев и К° в течение четырех месяцев и потом «оформили» под руководством самого М.С. в Ново-Огареве (Яковлев, Медведев, Фролов, Болдин и я), всех тошнило: 54 страницы сумбурной баланды, где мысли и позиции едва различимы.

Так вот: М.С. меня дважды спрашивал, какое на меня произвела впечатление его поездка в Литву. Я говорю: может быть, немного окультурили процесс выхода, но не остановили…, а главное, говорю, меня беспокоит в связи с этим – Пленум: ведь в Литве Вы ангажировались публично, мол, вот скоро будет Платформа и вы все там увидите. Но они там не увидят того, что Вы наговорили – и о федерации, и о социализме, и о партии, и о сталинизме (впервые назвали режим тоталитарным)…, т.е. пошли гораздо дальше, чем есть в ново-огаревском 54 страничном варианте. Надо что-то делать.

Он: Да, получилась мутная бодяга. Знаешь… Садитесь вы с Шахназаровым в Волынское и до ПБ (22.01) сделайте новый вариант. Сможете? И чтоб коротко и выглядело программно, а не размазней. Буду отметки ставить.

Мы с Шахом удалились и работали по методу: я его редактировал, он меня, потом опять я его, он меня. Я переписываю, он дописывает. И набросали за трое суток вдвое более короткий вариант. В пятницу вечером я его послал М.С. Реакции пока нет, не до того было…, ибо началась война в Азербайджане. Чрезвычайное положение, в солдат стреляют, они тоже начали стрелять, сотни убитых… НФА обратился к мировому сообществу – спасти народ от геноцида со стороны русских. И т.д. М.С. ведет бесконечные совещания, вчера трагично выступил по TV. Но Баку бушует под разными флагами, несмотря на комендантский час и танки… Теперь уже главный лозунг – выход из СССР.

Политического решения у М.С. нет, кроме естественной обязанности – защитить людей от погромов, расправ, сожжения армян живьем на улицах и т.п.

Обстановка в Литве и события в Азербайджане вызвали демонстрации в Краснодаре, Ставрополе, Ростове на Дону, Туапсе, в станицах и селах Северного Кавказа, где Язов (идиот) распорядился набирать резервистов. Это вызвало волну протестов: «Нет новому Афганистану!». «Почему русские мужики должны умирать из-за этих армян и азербайджанцев, пусть сами разбираются, а они в это время спекулируют у нас на рынках»… И т.д.

Так вот – под воздействием всего этого я вспомнил «концепцию» Астафьева-Распутина (к тому же читаю В.Соловьева «Русский вопрос») – и стал склоняться к тому, что многонациональную проблему СССР можно решить только через «русский вопрос»… Пусть Россия уйдет из СССР и пусть остальные «как хотят»… Правда, если уйдет и Украина, мы на время перестанем быть «великой державой». Ну, что же – переживем! И вернем себе это «звание» через возрождение России. Кстати, Ельцин заявил, что он баллотируется в Верховный Совет РСФСР и хочет стать ее президентом! Думаю, что он встанет на этот путь. А Горбачеву этот пост в России уже не доверяют! Вот так: Ельцин будет пожинать плоды великого исторического поворота, которому все – и мир, и Россия - обязаны Горбачеву.

Вчера – весь день в ЦК начитывался о событиях в мире. Восточная Европа отваливает от нас совсем и неудержимо… И все очевиднее, что по началу

общеевропейский дом будет без нас, без СССР, который пока (!) пусть поживет по-соседству!

И везде рушится комдвижение.

Новая, новая эра наступает…

Решительнее, смелее надо уходить от стереотипов ленинизма – иначе останемся в хвосте мировой истории. А Горбачева еще прочно держат за фалды «страхи» из прошлого. Он скорее инстинктом и душой рвется на новые просторы, а разумом не охватывает всего… или боится «делать выводы» - политические.

28 января 90 г.

В понедельник было ПБ – обсуждали «Платформу КПСС», сочиненную мной и Шахом и поправленную М.С. Уровень аховый… Правда, Егор «притих» и не очень был агрессивен, хотя сказал, что он решительно против «многопартийности».

Между прочим, М.С. набрал в ПБ новых секретарей: Усманов, Строев, Гиренко Манаенков и т.п. «Хорошие ребята». Но быть им – не выше среднего обкома. Почему они должны присутствовать в высшем штабе? Сам же он все время твердит об интеллектуальном потенциале!..

Тем не менее М.С. в понедельник собрал Яковлева, Медведева, Фролова, Болдина, Шахназарова и меня. И «интерпретировал» итоги ПБ, чтобы мы с Шахназаровым переделали текст в «соответствии».

Целый день просидели у него в кабинете. По многопартийности и частной собственности он не сдался, но велел сделать «округлее». Согласился со мной, что термин «марксизм-ленинизм» выпускать в Платформу не надо.

На другой день мы с Шахназаровым вернулись в Волынское – дали нам три дня. Правда социально-экономический раздел он поручил Болдину и Петракову (член-корреспондент, новый его помощник). Но то, что они нам прислали, все равно пришлось переписывать.

Работа была бурная и увлекательная. Фактически главное в тексте мы переписывали, не обошлось без конфликтов Шахназаров-Черняев. Но я компромиссно заупрямился и даже заявил Жорке – «тогда будем представлять альтернативные тексты»: ты свой, я свой. М.С. над этим смеялся… У Шахназарова очень силен его правовой, юридический «флюс», который отрывает его от советских реалий и идет в разрез с тактикой Горбачева: внедрять новое (даже сугубо западное), не провоцируя мастодонтов (не всегда это хорошо и правильно, но в целом именно эта тактика принесла успех демократии и гласности).

Вчера представили материал М.С. Он «прошелся» и новый проект пошел в рассылку по ПБ.

Неожиданно в Волынском появился Яковлев. Я даже подумал, что это М.С. подсылает его поруководить нами. Оказалось «хуже»… Под страшным секретом он мне рассказал: дважды М.С. звал его, один раз даже сам пришел к нему в кабинет. Расстроенный, озабоченный, одинокий. Мол, что делать? – Азербайджан, Литва, экономика, «радикалы», «социал-демократы»,… народ на пределе.

Что, по словам Яковлева, он, Яковлев, предложил М.С.'у и тот согласился?

Надо действовать… Самое главное препятствие перестройке и всей Вашей политике – это Политбюро, потом Пленум, и незачем его так часто собирать. И если Вы и дальше будете тянуть со взятием власти, то все завалится. Необходимо уже в ближайшие недели, может быть вместо Верховного Совета, намеченного на середину февраля собрать Съезд народных депутатов и учредить президентскую власть, пусть Съезд изберет Вас президентом. (Кстати, в принципе М.С. согласился с этим еще в Ново-Огареве и идея была заложена даже во второй проект Платформы, которая была на ПБ 22 января. Но не было еще решимости сделать это немедленно, не откладывая ни на май, ни на осень).

И, таким образом, - продолжал А.Н., - сосредоточить реальную, полномочную государственную власть в своих руках, оттеснив от рычагов Политбюро и даже разговорчивый Верховный Совет.

В ближайшие дни, до Пленума, который намечен теперь на 5-6 февраля, продолжал Яковлев, выступить по TV и объявить, апеллируя прямо к народу и беря на себя лично всю ответственность, действительно, чрезвычайную программу по формуле: земля – крестьянам, фабрики – рабочим, реальная независимость республик, не союзное государство, а союз государств, многопартийность и отказ на деле от монополии КПСС, крупные займы у Запада, военная реформа – прогнать генералов и посадить на их место подполковников, отозвать войска из Восточной Европы, ликвидировать министерства, резко сократить аппарат – всякий и т.п. И особый упор (в выступлении по TV) – на серию экстренных (в принципиальном плане – частное предпринимательство) мер по экономике (будто бы у Слюнькова, который в оппозиции по отношению к Рыжкову-Маслюкову, есть подготовительная бумага на этот счет)… И еще: вести дело к замене Рыжкова: «с таким премьером, который мыслит на уровне директора завода, с таким Госпланом, который воспитан в методике военно-промышленного комплекса, никакой реформы не сделаешь».

А кого вместо?- спросил М.С. Яковлева.

Яковлев: Полно людей, надо только смелее их брать, на то и революция!

Яковлев не посвятил меня, с чем М.С. согласился, с чем нет. Но пошел по своему обычному пути: поезжай, мол, в Волынское, запрись там, никому – ничего! Возьми с собой несколько доверенных умеющих писать людей, подготовь выступление по TV, а там посмотрим.

В ответ я сказал Яковлеву: Словом, речь идет о coup d'Etat…

Да, - согласился А.Н. И нельзя медлить.

Яковлев также очень против переноса Съезда партии на июнь. М.С. поддался на это на Совещании рабочих и ИТР в Кремле 18-19 января. Яковлев против потому, что аппарат вместе с «рабочим классом» пошлют на Съезд таких, которые свернут шею и Горбачеву, и перестройке. Съезд противопоставит себя парламенту и начнется хаос… Яковлев вообще за то, чтобы партию сейчас «оттеснить» - пусть она идет по пути СЕПГ и КПЧ, ПОРП, т.е. рассыпается или превращается в одну из социал-демократических (ассоциация социал-демократии уже создана в Таллинне под водительством Ю. Афанасьева) и т.д. В партии, действительно, начинается бунт, но он, как говорят, неоднозначен: ленинградское дело, в Тюмени прогнали Богомякова, в Волгограде – Калашникова. Везирова в Баку из партии исключил аппарат ЦК. Но кто идет на смену? Молодые и худшие – антигорбачевцы, представители того самого «рабочего класса», от мифологии в отношении которого М.С. никак не может освободиться.

Горбачев колеблется…

Итак, предстоящая неделя (Пленум ЦК (5-6), если не отменят) может быть решающей. Может…, но скорее всего опять не будет. А тянуть, действительно, уже нельзя.

В четверг (25 января) М.С. позвал нас из Волынского (Яковлева, меня и Шахназарова) в ЦК – обсудить **германскую проблему**. Там еще оказались Рыжков, Шеварднадзе, Крючков, Фалин, Федоров и Ахромеев. Просидели 4 часа. Я предложил ориентироваться на ФРГ, так как в ГДР уже нет у нас никакой опоры, чтобы влиять на процесс. Причем - именно на Коля, а не на СДПГ, которая превратила все дело в объект избирательной борьбы.

А Коль (он все таки больше держится «теории» воссоединения в рамках общеевропейского процесса) к тому же повязан союзниками и более верный в личных отношениях с М.С. К тому же он понимает, что в избирательно-парламентской игре на ГДР он Брандту-Фигелю проиграет. Я не против позвать в Москву Модрова (хотя это мало что даст, вопрос о его приеме еще до этого был решен). Гизи – не надо: зачем лепиться к партии, которой уже фактически нет и не будет! (Со мной не согласились). И потом

собраать «шестерку»: США, Англия, Франция, СССР плюс Коль и Модров, т.е. победители и побежденные в войне. И договориться…, ибо процесс воссоединения Германии не остановить, но надо, чтоб он шел в нашем присутствии и не против нас.

С «шестеркой» все согласились. Но доказывали, что нужно воздействовать по другим каналам (Шах – с ориентацией на СДПГ, его поддержал Яковлев). Шеварднадзе в основном поддержал меня. Рыжков – против, чтоб «все отдавать Колю». Крючков, как всегда, за все, что будет принято. Правда, он подтвердил, что СЕПГ уже нет как таковой и что все государственные структуры в ГДР развалились, это уже – не настоящее государство.

Рыжков говорил, что препятствием к объединению является нестыковка экономик…

А Федоров вообще доказывал, что никто не хочет воссоединения, особенно в ФРГ! Это – главный эксперт по Германии!!

М.С. наметил пять пунктов действий. Ориентироваться:

1. На ФРГ: Коль и СДПГ.
2. На «шестерку».
3. На Модрова и СЕПГ («не может быть, чтобы из 2,5 млн. членов партии никого не было, чтоб составить реальную силу!»)
4. На Лондон, Париж – «может быть, возьму да слетаю туда и сюда – по дню на каждую столицу!»
5. Ахромееву – готовить вывод войск из ГДР: проблема больше внутренняя, чем внешняя. 300 000, из них – 100 тысяч офицеров с семьями – куда-то и их надо девать!

25 февраля 90 г.

День, объявленный Ю.Афанасьевым и иже днем «февральской революции 90 года». Главная манифестация будет на Зубовской площади, под окнами моего дома – грузовики с солдатами МВД, между домами, во дворах скопления милиции «в штатском».

Панику нагнали за последние дни, впрочем, наверно, сами правоохранительные органы и «аппарат». Все еврейство – ждет погромов и бежит за границу… десятки тысяч в месяц.

По стране волна митингов – «разгон» райкомов и обкомов, повальные отставки лидеров местного значения.

Московская манифестация тоже под лозунгами: «за новых депутатов» и «долой Кремлевскую мафию». Хотели даже собрать живое кольцо вокруг Кремля. М.С. долго не реагировал, потом понял опасность и пошло: заявление Верховного Совета, заявление ЦК, заявление правительства, мобилизация служб… На последнем ПБ специально обсуждали: 17.000 внутренних войск, охрана РК и т.д. Подвижная служба охраны элитных зданий… Дело в том, что на Арбате висели листовки с фото здания в Плотниковом переулке, с указанием квартир, где живут члены Политбюро Слюньков, Медведев, Зайков, Бирюкова, Шеварднадзе…

«Президентский процесс» натолкнулся на сопротивление Верховного Совета в первый же день. С трудом согласились включить вопрос о президентстве в повестку дня сессии, но отказались назначить день Съезда. Мы с Шахназаровым долго составляли концепцию президентской власти. Вчера она была роздана членам Верховного Совета, в четверг обсуждали на ПБ (об этом особо). На 27 февраля намечено ее обсуждение Верховным Советом и будет назначен день Съезда (М.С. предложил на ПБ – 6-7 марта). Если Верховный Совет не согласиться, М.С. оказывается в положении почти краха.

Ходят (и в ВС тоже) три идеи:

- референдум и потом избрание всем населением. Это значит оттяжка надолго.

- просто переименовать Горбачева. из председателя Верховного Совета в президента: предлагают те, кто боится, что кто-то проскочит вместо М.С.
- избирать президента на Съезде альтернативно, тайным голосованием.

М.С., который совсем недавно и слышать не хотел слова «президент», за третий вариант – как самый честный.

Из реплик в узком кругу, из звонка мне Р.М., я почувствовал, что Горбачев готов уйти. Великое дело он уже сделал, и теперь сам народ, которому он дал свободу, решает свою судьбу… как хочет и как сможет.

Впрочем, держит его чувство ответственности и надежда, что все таки еще можно упорядочить процесс.

На ПБ все члены, кроме Лигачева, брали слово и говорили «за» президентство. Но, когда возник вопрос о Пленуме ЦК (по Уставу) Е.К. хотел подбросить дохлую кошку: яростно, побелев требовал, чтобы Пленум собрать до Съезда народных депутатов, чтоб ЦК, партия (ЦК) выдвигала президента, предложила его Съезду. Произнес речь: партия это единственное, что осталось и на что еще можно опереться, чтобы спасти все. Если будем пренебрегать партией – «все!»

Его поддержал Рыжков.

М.С., как всегда, сходу поддался Лигачеву, сильно покраснев, не поняв замысла. Стал говорить «о роли партии» и с календарем в руке вычислять, когда бы можно было созвать Пленум (идут выборы в РСФСР и других республик).

Спас положение (как ни странно – если судить по антигорбачевскому Пленуму МГК накануне), присутствовавший на ПБ Прокофьев (первый секретарь МГК). Встал и сказал: если Пленум ЦК предложит президента – дело будет провалено. Верховный Совет скажет: ага, шестую статью Конституции вы отменили, а хотите оставить все по-старому, сохранить монополию и власть партии через президента… И завалят…

Это всех отрезвило, в том числе и М.С. Пленум назначили на 11 марта.

Но неизвестно, согласится ли ВС на 6-7 марта – дату созыва Съезда.

Яковлев каждый день заходит, приносит «размышления», которые у него идут на пару с М.С. Судя по выводам А.Н., Горбачев решился отпочковаться от ПБ (опять с опозданием на год, если не больше) и перенести центр власти «в президентство».

Зачем тогда собирает каждую неделю ПБ, - чтоб они обсуждали бумаги, из которых выглядывает «смертный приговор» большинству из них.

Яковлев считает, что «они» уже работают против него вместе с армией и КГБ. И паника дует оттуда, и погромные настроения оттуда (чтоб спровоцировать народ на требование железной руки!). Яковлев мыслит, что и Нина Андреева, и совсем одуревший от антисемитизма еврей Евсеев, и Васильев (из «Памяти») – платные агенты КГБ (но не Крючкова, которым манипулирует команда более или менее порядочного Чебрикова). А.Н. показал мне протокол партактива Лубянки – это программа ниноандреевского переворота, упакованная в традиционные фразы (требования к М.С.) и «обещания» навести порядок.

На что же опираться М.С. в такой ситуации? Народ он оттолкнул пустыми полками и беспорядком, перестроечных партийцев – объятиями с Лигачевым; интеллигенцию – явной поддержкой Бондарева, Белова, Распутина; националов – тем, что не дает им полной свободы, либо не спасает одних от других.

Упущен шанс… Когда надо было сразу после январского Пленума в чрезвычайном порядке, в нарушение конституционной нормы созвать Съезд народных депутатов. Сыграть на том, что они сами полномочны решать, законно или незаконно они собрались в Москве, и быть избранным Президентом. Пускай потом визжали бы правые и левые. Но они имели бы дело с Президентом страны!

Сходил на митинг на Смоленскую и Зубовскую. Организация, охрана, явно платные «носители» лозунгов-транспорантов. Ю. Афанасьев объявил, когда слились потоки и со стороны Парка культуры, что пришло 500.000 человек. Визуально и по опыту

первомайских демонстраций на Красной площади – скопилось тысяч 100… Главные темы: против нагнетания паники и затравливания, организованной якобы властями, чтоб сорвать митинги; за Гдляна; против президентства.

Ни одного доброго слова об М.С., хотя кое-кто призывал его устраниться, а некий Кузнецов всю политику Горбачева назвал преступлением и т.д.

Резолюция, зачитанная Ю. Афанасьевым – довольно «лояльная». Общий смысл всего действа – ликвидация «существующего порядка» и замена людей у власти.

Напрашивается аналогия: Николай II – манифест 1905 года. Дал свободу, но хотел, чтоб ею пользовались по его усмотрению. В результате – восстание.

Да, то, что олицетворяет Афанасьев и К°, это уже партия. Партия низвержения существующего, партия демагогии, неизбежной в такой ситуации - без нее к власти не прорваться.

М.С. (возвращаюсь к наблюдениям на службе) «ведет дело» к реальной многопартийности. Иначе не могло бы появиться записки за подписью Кручины и Павлова (зав. правового Отдела ЦК) об инвентаризации партийного имущества и подготовке отдачи всего того, что принадлежало партии-государству (шифроинформации и связи, закрытых телефонов, огромных партийных зданий, охраны ГБ, обслуги, непомерной для просто политической партии и т.д.) Срок – два месяца.

Яковлев все меня спрашивает, когда ему подавать в отставку из ПБ. Я ему говорю: твой уход даст окончательный ответ на митинговый вопрос: «С кем Вы, Михаил Сергеевич?» Об отставке Яковлев говорил и с М.С. Сначала Яковлеву предназначалось вице-президентство. Но даже Президиум Верховного Совета эту должность не принял. Значит, максимум – член кабинета президента… «В партии (т.е. аппарате, пусть высшем) я не останусь», - твердил мне Яковлев.

Что еще из событий последних дней? Ответы М.С. «Правде» по германскому вопросу. Их я сделал за одно утро. Он меня искал по городу, нашел из машины и переделал заказ: до этого лишь о войсках (195 тысяч) хотел говорить «Правде», а теперь и о том, и о ГДР-ФРГ. Воспринято было везде правильно.

Как сказал тот же С. Кузнецов на митинге – «заходящая звезда, свет которой еще чуть-чуть виден на Западе».

На ПБ 6 часов обсуждали Устав КПСС и пришли в конце концов к выводу, что «в старые меха» влили много нового вина, но меха очень чувствуются. Фролов выступил против употребления слова «демократический»… Если б кто другой сказал такое, М.С. пренебрег бы. А тут сразу «послушался». Ну, что ж и от Ваньки бывает польза с его нахальством.

Ахромеев выступил на митинге в спортдворце «Крыльях Советов» в одном ряду с Ниной Андреевой, которая делала доклад!

Как это понимать? – Советник президента в обнимку с Ниной Андреевой!! Может, тоже боится разоблачений?.. Особенно, если по Афганистану начнется, по СС-20 и т.п.

На ПБ в четверг был устроен разнос Ненашеву… Государственные (впрочем. народные!) средства дают на то, чтобы TV позорило, дискредитировало власть и партию! Шумели все. Рыжков устроил сцену: он не позволит, чтоб публично с экрана полоскали его жену! И если это будет еще раз, он не знаю, что сделает!

… Ненашев отбивался (при поддержке Медведева) – что TV, мол, отражает то, что происходит в обществе, это его зеркало…

А ему все: «черный ящик» народ уже включать не хочет – настолько жизнь оттуда ужасна и безнадежна.

И т.д. Но когда речь зашла «что делать?» – не приняли фроловскую идею о партийном канале (тогда скоро придется давать каналы и другим партиям), не приняли идею Ненашева об общественных каналах наряду с государственным. Но М.С. во-первых, тут же запретил программу «7 дней», где обозреватели собирают весь негатив за неделю и

навязывают обществу свою личную антипатию к перестройке, а во-вторых, навязчиво: нужен «русский канал», 2-ой – весь или частично. Канал «Россия», - заявил он, – стержень всего, она будет задавать и политический, и нравственный тон всему остальному. Опасная идея... Это значит, что Ю. Бондарев + Белов + «Память» получат собственный выход на TV… Не иначе.

М.С. мне тут совсем не понятен. Или это – «соломинка».

Или он рассчитывает спасти Россию через, в частности, выборы. Но новый парламент РСФСР начнет, наверно, с того, чтобы отделять Россию от СССР – и пусть все эти армяне и Литва «гуляют» – с шеи долой.

В пятницу приходил ко мне Креддок (с послом Брейтвейтом) – международный помощник Тэтчер. Выяснял: продержится ли Горбачев. И на этом фоне – об объединении Германии. Боятся. Мадам (Тэтчер) больше кого бы то ни было в Европе…боится лишить Великобританию положения «великой державы». И логика и аргументы у ее посыльного – понятны и в общем те же, что и у нас. Но для них выход: Германия в НАТО.

Много и бурно я с ним полтора часа говорил, натурально! Опомнившись, даже не сразу усвоил, что говорил не с «товарищем».

3 марта 90 г.

Вчера ПБ. Очень настораживающее. М.С. был не в форме носителя нового мышления, а в роли заурядного деятеля прежних времен. Обсуждали сначала митинги 25 февраля. Рыжков начал: одержана огромная победа над «этими». И надо дальше так давить. Крючков – со ссылками на агентов: наконец-то народ почувствовал, что «у нас есть власть» и в этом духе далее. Пока не сбил его с толку Бакатин (министр внутренних дел): какая победа?! Мы запугали народ. Со страху многие не пошли (на митинги). Поэтому и не собрали они один миллион, но могли собрать. И было на самом деле не 70-100 тысяч на митинге в Москве, как говорит Крючков, а 230-300 тысяч. Устрашение дало порядок, но это не политика. Через месяц или 1 мая они выведут и миллион. И пойдут на Кремль, как обещали. И что тогда? Стрелять, дубинками их, бронетранспортеры на них?! Какую комиссию тогда в ВС будем создавать. Это массовое явление, оно питается общим недовольством и нельзя его недооценивать. Нужна политика и в основе ее диалог. Нужен «круглый стол». Если я чего-то не понимаю, тогда мне не место на этом посту. Но я не согласен с тем, что здесь говорят члены ПБ.

Речь Бакатина произвела оглушительное впечатление. И уже никто больше не говорил о «победе». Но понесли самого Бакатина и больше всего – сам Горбачев:

- паническое настроение. Наверно, у министра такое окружение, так и докладывают;
- лозунги лидеров – это не лозунги масс, хотя недовольство есть, на нем и спекулируют;
- рабочий класс не вышел, он еще своего слова не сказал[1].
- «круглый стол» - чепуха. Не с кем за него садиться рядом и незачем, «они» никого не представляют. Если Бакатин хочет, пусть и проводит с «ними» круглый стол;
- зачитывает цитаты из речей Гаврилы Попова, Станкевича, Черниченко, Бочарова, Рыжова… Все это подонки, - продолжает Горбачев, - политические прохвосты. Никакого им доверия и никаких круглых столов;
- милицию все «они» хвалили. Бакатин, ты слышишь, как ты им нравишься!

[1] *От себя добавлю: рабочий класс только что сказал свое слово, например, в Донецке, потребовав, между прочим, отставки всего обкома.*

- «они» теперь уже не просто кричат – «долой Лигачева», «долой Горбачева», они кричат «долой КПСС», а в последнее время и «долой КГБ», «который всегда был рядом с партией»;
- Хотят порушить все, чтобы власть валялась в пыли и осталось бы только ее подобрать.

Словом, с одной стороны – довели его, с другой, кажется, примеряется к президентству. Конечно, регинальщики показали себя полными дилетантами, а значит и политиканами, хотя не все они прохвосты. Он же сам привлекал и Рыжкова, и Станкевича к составлению концепции президентства. Но теперь они не только заняли позицию на 180 градусов против того, что обещали ему, а и выступили организаторами публичного поношения Горбачева и в Верховном Совете, и на улице. Показывали на него пальцем: вот, мол, кто жаждет личной власти.

На Дезькиных похоронах разговорился с Немкой Коржавиным (крупнейший наш поэт, мы друзья). Слушал я, - говорит он мне, - что происходило на Верховном Совете. Ну, умники, ну, болтуны, так все у них все логично, четко, обоснованно насчет того, что президент должен быть такой-то и такой-то, и так-то он должен быть обставлен правилами и процедурами. Забыли только, что они в России, а не в Англии и не в Америке.

Я добавил: и подло, что они катят на Горбачева, глупо, что не видят шанса делать настоящую демократическую власть именно при Горбачеве, которому по натуре чужды диктаторство и культизм. Именно при нем можно было бы отработать всякие процедуры, заложить необходимые институты власти.

Да, скажут мне, Ленину тоже был чужд и культ и тиранические намерения, а что получилось!.. Но тогда, - возразил бы я, - была идеология диктатуры, а теперь – идеология демократии.

И чего «они» хотят, если у них государственные соображения, а не амбиции? – Чтоб все развалилось, пока будем готовить всенародное голосование по президенту?

И чего они добились? – Того, что Горбачев качнулся в сторону Лигачева. Весь дух его реплик и выступление на этом ПБ – лигачевские. Поддакивал ему, когда тот выступал и, единственно, в чем не согласился с Лигачевым – внести на Пленум ЦК резолюцию «о единстве партии».

Но вывод у всех на ПБ был общий: курс на размежевание в самой партии, на исключение Афанасьевых и т.п., на отторжение и изоляцию межрегионалов, на то, чтобы с помощью Верховного Совета «призвать народных депутатов к порядку». А то вишь – получают по 500-700 рублей государственной зарплаты и только и делают, что разрушают государство, подрывают власть.

Горбачев потребовал, чтобы все члены ПБ высказались, хотя Зайков, Яковлев, Воротников слова не просили. Все сказали угодное Горбачеву. И Яковлев тоже. Правда, он оговорился, вызвав гнев Рыжкова, что пока в экономике у нас вот такое положение, ничего не добьемся и никакая «работа в массах» не поможет.

Попутно речь шла о Гдляне. Тут Горбачев правильно разошелся – крыл Сухарева (минюст) и того же Бакатина, задел и Крючкова: верховную власть государства поносят, срамят, клевещут на нее… и кто это делает – уголовные преступники, которые сажали в тюрьму многодетных матерей, занимались вымогательством, устроили в Узбекистане 37 год[2]. А наши правоохранительные органы нюни распустили! Закон – есть закон! Вы что – боитесь обнаружить, что Горбачев вор?! Этого боитесь? Если он вор – пусть докажут. И Горбачев пойдет куда следует по закону. А если это клевета, - припечатал М.С., – Гдляну и Иванову место на скамье подсудимых за оскорбление высшей государственной власти. В любом цивилизованном государстве ничего подобного, что у нас происходит представить себе нельзя.

---

[2] *Гдлян и его подельник Иванов занимались расследованием злоупотреблений в Узбекистане, вели, так называемое, дело Рашидова с вопиющими нарушениями закона.*

В силовом духе, с позиций «единой и неделимой» (так всерьез Воротников, например, и произносил) обсуждался вопрос об отделении Литвы и о Союзном Договоре. И Горбачев говорил в унисон с Маслюковым, Лигачевым, Рыжковым, тем же Воротниковым…

Словом, происходит отрыв от реальностей, который грозит тем, что останется один аргумент – танки.

В подготовке президентства тоже что-то неосновательное, забота опять о красоте речи при ианагурации, а не о создании структур. Что он будет делать на другой день? С кем? Как? Ведь все будут уже по дням считать, ожидая крупных перемен. Или, как и подразумевают оппоненты, переместит Политбюро в Президентский Комитет и все пойдет по-старому?!

А может он сознательно нарывается на провал, чтоб «уйти»? Вряд ли…, тогда бы не развил такой энергии…

Сегодня опять созвал Президиум Верховного Совета. И, кажется (судя по реплике на ПБ), не собирается на Пленуме обсуждать президентство и «выдвигать себя от КПСС», ибо, как мы с Шахназаровым и Яковлевым его предупреждали, сразу несколько сотен голосов потеряет на Съезде!

Сегодня у него день рожденья – 59 лет!

Смотрел по TV «Пресс-клуб». Это киносюжеты молодых, а потом обсуждение журналистами из разных СМИ.

Три ощущения:

1. Ужас от самих сюжетов (особенно «детский сад особого режима»).
2. Злобность представителей из «Молодой гвардии» и «Нашего современника»: Горбачева, кажется, появись он среди них, затоптали бы.
3. Отвратность умненьких еврейских мальчиков из «Московского комсомольца», TV и т.д., которые опровергают и развенчивают каждого – оскорбительно и высокомерно. И в самом деле – начинаешь «понимать» антисемитов.

Смятение в душе. Общество рассыпается, а зачатков формирования нового пока не видно. И у Горбачева, судя по последним моим наблюдениям, утрачено чувство управляемости процессами. Он, кажется, тоже «заблудился» (любимое его словечко) в том, что происходит и начинает искать «простых решений» (тоже его любимая формула).

И даже мне, пропитанному политикой, хочется спрятаться от жизни и носить пистолет в кармане в качестве опоры душевного успокоения.

<u>22 марта 90 г.</u>

Сегодня на ПБ может «Чарнына Тиссе»[3] для Литвы. Дело идет к Чехословакии–90. Я в ужасе. Все подпевали великодержавию - самому вульгарному и самодовольному. Яковлев и Медведев отмолчались.

Что делать мне? Вчера он назначил меня помощником президента. Но, если он устроит побоище в Литве, я не только уйду… сделаю, наверно, кое-что еще.

Сегодня неделя (15.03) как он президент. А правит по-прежнему Политбюро.

На ПБ сегодня отторгли «демократическую платформу» КПСС и договорились, как обставлять депутатов, избранных в РСФСР и Моссовет.

<u>25 марта 90 г.</u>

М.С. принимал американских учителей. Ух, и отдохнул он душой. Раскрывался, обаял, полно «соображений», прямо как в прежние времена, когда он только набирал.

---

[3] *Местечко на границе с Чехословакией, где в августе 1968 года брежневское Политбюро решало вопрос об интервенции.*

Советские учительницы обозлятся: вот, мол, американским время не жалеет, а мы – сидим в дерьме.

Поговорили потом (после адмирала Краy)…

Я: Михаил Сергеевич, меня вчера испугало Политбюро.

Он: Тебя всегда оно пугает…

Я: Не всегда. Иногда удивляет, иногда огорчает, иногда смешит и возмущает.

Он: А что?

Я: Я перестаю понимать. Я ведь привык разбираться – где у вас цель, а где тактика. А с Литвой – запутался. Если Вы думаете удержать Литву с помощью запугивания, без применения войск, то – это нереально. А все Ваши успехи в перестройке всегда связаны с тем, что Вы умели считаться с реалиями, как ВЫ любите выражаться. Если же Вы «не исключаете», как вчера заявили на ПБ, «вариант Варенникова» (чрезвычайное положение, президентское правление, ввод трех полков «изоляция» вильнюсской верхушки, использование марионеточных литовцев, которые «призовут» наши войска, как в Праге в 1968 году), то тогда – крах. Тогда гибель всего Вашего великого дела. И из-за чего – из-за великодержавного комплекса, потому что экономически мы ничего не теряем, и они все скрупулезно выполнют, если договоримся, да им и деваться некуда!

Он: Да, брось, ты, Толя, все будет как надо, все пойдет правильно!

Это он выслушивал и говорил «между прочим», стоя, перелистывая бумаги на столе…

Вчера объявили о составе Президентского Совета. Пёк он его в тайне… От Яковлева я кое-что узнал: насчет Айтматова, Распутина (!), против которых А.Н. бурно протестовал, об остальных вчера услышал по TV.

Опять же – и тут я перестаю его понимать. Шахназарова (своего правовика) он тоже не спрашивал. Меня спросил только – что делать с Загладиным.

Думаю, что состав, особенно Ярин и Распутин, вызовет разочарование и в Верховном Совете, и у интеллигенции, т.е. у «сознательной» базы перестройки.

Словом, ситуация неопределенности для меня: я перестаю понимать М.С.

С одной стороны, он вроде уходит от «партийной власти», с другой – в особенности по Литве, действует в духе Лигачева-Язова-Воротникова-Крючкова… и сугубо на идеологической основе. Без всякого разумного рассуждения и объяснения. Цель для всех них очевидна и не подлежит даже обсуждению, несмотря на Конституцию: закон о выходе и т.п. – не пущать!

Причем, когда в Грузии каждый день разрушают по 1-2 памятника Ленину, и на всех перекрестках кричат о выходе, отменяют все советские и коммунистические символы и признаки, когда в открытую копят массу оружия и набирают боевиков – это ничего… Никакой верховной реакции. А против Литвы – один указ за другим! Хотя здесь опасность угробить «великое дело» очевидна: США, Европа, демократический мир не признают литовское дело внутренним, а Грузию, как и Азербайджан считают нашим делом!!

Солженицын «Март 17-го». Газеты, газеты. Вот сегодня в «Комсомолке» за 22 марта – о распаде комсомола. На TV видно, как общество-то рушится… А на Пленуме ЦК хватаются за идолы прошлого. Лигачев требует в Устав: цель – коммунизм! И устроил на ПБ истерику, что опять не учли его предложение (записали лишь «коммунистическую перспективу»)

Поразительная вещь: журналы, даже газеты, даже TV полны умных рассуждений о сути и судьбах марксизма, социализма, ленинизма… А этой серости во главе КПСС с теоретической подготовкой ВПШ образца 50-х годов на все наплевать. «Коммунизм – цель». «Марксизм-ленинизм» – идейная основа партии! И ты хоть лопни. А ведь в Политбюро таких… да все, кроме двух, трех! Но оно определяет дух политики. Оно…

Но паки и паки: зачем М.С.'у такой Президентский Совет?!

Выставка Дейнеки на Кропоткинской. Портрет карандашом – женщина в старинном платье на диване. Полтора часа оторваться не мог. И вообще «ассоциации и реминисценции», а залы пустые, хотя сегодня последний день.

М.С. по телефону: о статье Гольданского по поводу антисемитизма (в «Вашингтон пост»). Обиделся. Ругал. Евреи – трусы. Велел поговорить!

О Загладине: сделать советником президента и поручить общественные организации, наши и международные.

Мне: подбирать себе сотрудников (в консультантскую группу при помощнике).

Варенников из Литвы провоцирует Горбачева…, - ох, как ему неймется поскорее ликвидировать перестройку!

12 апреля 90 г.

Горбачев продолжает игру с Литвой. Доказывает иностранцам (был тут Эдвард Кеннеди, потом скучный Хёрд – министр иностранных дел Великобритании), убеждал их - как он, Горбачев, прав и какой он такой же, как они, законник. Да, юридически он прав, но исторически и политически он проигрывает. И проиграет, дай Бог, только личный престиж.

Откровенен в ответах на тысячу вопросов на встрече с комсомольцами перед их Съездом. В том числе и по клеветам Гдляна-Иванова: «Не буду же я, президент, выходить и доказывать, что я не вор и взяток не беру!» Похлопали, когда он заявил, что с Гдляном и Ивановым в ВС будут разбираться всесветно (неизвестно – в чью сторону хлопали).

«Москва» поздравляет меня с «помощником президента», а никакой бумаги нет. Шах возмущается, я иронизирую, потому что все равно все останется так, как есть: мы ему нужны «в этом качестве» – спичрайтеров, писарей, а не советчиков…, тут он предпочитает других, хотя иногда и считается, если мы навязываем свое мнение, пользуясь доступностью его для нас. Вот на той неделе я написал ему резкий протест перед вторичным обсуждением на ПБ «письма ЦК» коммунистам о размежевании с Ю. Афанасьевым и т.п.

Он зачитал его при начале обсуждения на ПБ, не назвав автора. И вел Политбюро «с учетом» моей тревоги и моих аргументов. Впрочем, не один я протестовал.

В результате письмо ЦК к партии вышло значительно мягче, чем первый и второй варианты. Но суть осталась («100 цветов») – и сейчас в парторганизациях уже развертываются бурные «возмущения». Съезд ВЛКСМ тоже его будет обсуждать! Уверен – в антидухе.

Я предложил Горбачеву направить Добрынина послом в Индию взамен заваливающегося Исакова. А он хочет его на пенсию. Мне не понятен и не нравится маневр Шеварднадзе, который всю свою довольно сильную команду замов отправил послами: Бессмертных, Воронцова, Адамишина, Абоимова... Оставшись с «нежным Толей» (Ковалевым) и Никифоровым (партноменклатурщик).

По поводу отношений с Южной Кореей мы с Брутенцем хорошо обошли Шеварднадзе, который либо боится, либо заангажировался перед Ким Ир Сэном. М.С. во-первых, «увиделся» (рояль в кустах) , во-вторых, дал согласие на делегацию в Сеул и вообще на «конкретные действия». А теперь вот и с Муном повидался (на вчерашней встрече с издателями). Хотя кривился и ворчал по телефону.

Горбачев активен и кажется бодрым, уверенным. Это производит впечатление, но главным образом на иностранцев. Обманчиво это. Результат его физического и нравственного здоровья, а не политической уверенности. Дела все хуже. Хотя я не верю в гражданскую войну, если «мы сами» ее не захотим. Пока ее хотят лишь генералы, которые брызжут ненавистью ко всему горбачевскому. И остервенелый аппарат. Будет бой на съезде КП РСФСР, а потом на ХХУШ съезде КПСС.

Для меня, Яковлева, Арбатова и т.п. – проблема: в какой партии быть… М.С., по моему, готов оставаться в лигачевской партии, хотя он сумел его сильно «оттеснить», перевести в прямую оппозицию, уже не скрывает (на ПБ) свое отторжение от Е.К. На

последнем ПБ Яковлев прямо выступил против Лигачева (и Рыжкова), которые потребовали Пленума (по «Письму ЦК» – явно, чтоб там предложили М.С. отставку). Потом Фролов понес ЦК, который «не пользуется никаким авторитетом, дискредитирован».

И Егор Кузьмич «в заключение», т.е. после заключительного слова М.С., дал отпор этой клевете на ЦК, который «выдержал (!) такое, какого не приходилось ни одному ЦК» (т.е. стерпел М.С. и перестройку). Большинство отвергло созыв Пленума. Некоторые прямо заявляли – это начало раскола собственными руками!

13 апреля 90 г.

Вчера Горбачев проводил Президентский совет по радикализации экономических реформ. Я не пошел. Текучка держит в напряжении. Что со страной, сколько еще до полного паралича?

Была встреча с американскими сенаторами. М.С. откровенен и в ударе. Упрямится по Литве…

Секретариат прошел под руководством Медведева. Брутенц был, говорит: беспомощный треп. 40 минут обсуждали порядок присуждения Ленинских премий (вместо Комитета) – и это при таком состоянии партии и страны. Между прочим, один из Комитета партийного контроля «проинформировал», что согласно Письму ЦК Ю. Афанасьева исключить не удается. Его вызвали в райком, а он там – по Уставу – начинайте, мол, с первичной организации. А она (институт, где он директором) встретила Афанасьева стоя овацией!

Словом, М.С. получил то, о чем его предупреждали. «Письмо ЦК» – лучший подарок «Демократической платформе».

15 апреля 90 г.

Брутенц рассказывал: он был в посольстве у Мэтлока на приеме в честь сенаторов (Митчелл и К^{o}). Там Бурлацкий, Афанасьев, Нишанов, Арбатов и др. лизали все места у американцев… уж как распахивались, как откровенничали, как распечатались! Это сейчас – хороший тон. И впрямь – по Брутенцу – хочется бежать в «Память» от этого паскудства.

Идет травля Г. Попова в «Советской России» и др. («Московская правда» – аккуратнее), - чтоб замазать ему дорогу в председатели Моссовета. Реализуется пусть прямое «указание», а разговор на ПБ: «бить по голове» МГД, «Демплатформу». Да и «Письмо ЦК» туда же зовет… (Кстати, даже в очищенной информации оргпартотдела об обсуждении «Письма» – проскальзывает: нередко воспринимают его, как начало зажима инакомыслия, а главное – не знают, «кого исключать»).

Гаврила Попов, конечно, гусь тот еще, пройдоха профессиональный. Но все же… А потом – почему бы эту публику не попробовать в деле?

А по Москве ходят слухи: если Гаврила пройдет в Моссовете к власти, у аппаратчиков будут отбирать квартиры, так как давало им их Управление делами ЦК, а это незаконно. Считается, что «коммунисты» уже запуганы и не знают, к кому апеллировать, если их начнут гнать.

Станислав Кондрашов в «Известиях» – «Пражская весна 1990 года». Наотмашь обо всем.

В общественном сознании и в средствах массовой информации общим мнением стало, что никакого социализма у нас не было и нет. Я эту мысль вписал Горбачеву в «Слово о Ленине» (ему предстоит выступить с докладом к дню рождения Ленина). Думаю, аккуратно вычеркнет.

Вечером включил телевизор. По трем программам – церковная служба крупным планом. Иерархи, прихожане, публика. Первые – разные. У одних – просто «служба», как всякая другая, у других (молодых священников) есть истовость и «вызов», у третьих –

тупость (скорей бы разговляться). В публике: бабы-кликуши, любопытствующие, девчата с выражением: смотри-смотри или «куда я попала», реагируют на телекамеры. Очень много молодых. Причем в московских церквях одни молодые мужики, в отличие от ленинградских, где больше женщин. В провинции – и те и другие, всякие. И все это вместе – непонятно!

Не могу я поверить, что они верят, если, конечно, без вывиха в мозгах, в психике. Конечно, возможно есть Бог. Ведь так считали и самые великие, в том числе великая плеяда философов «серебряного века». Но – не боженька же. А действительно – Создатель. Что-то такое Там есть (!), чего никакая наука объяснить не может.

Лигачев заявил протест по поводу рекомендации (бумага от Лукьянова) академика Гольданского в качестве руководителя Комитета по международным Ленинским премиям, потому что он выступил в «Вашингтон пост» со статьей об антисемитизме в СССР («Советская Россия» за это его приложила). Разослано по ПБ. Не знаю, чем кончится. Лукьянов настаивает, ему теперь - Лигачев не указ!

В прошлое воскресенье был в Иностранной библиотеке на выставке фотографий последних аристократических семей: Трубецкие, Оболенские, Сиверсы, Абрикосовы. Производит ошеломляюще впечатление. Какой генофонд нации, какая глубокая, естественно растущая культура, какая традиция благородства, чести, и великие таланты в разных областях. Все пустили по ветру. Потеряли… Поубивали (шлепали в Соловках и в 1920 и в 1929!) или повыгоняли. Три дочери Трубецкого, красавицы, доживали свой век там. Десятки других – отдали то, что возможно выдать чужой стране, не нам, не своему народу. А они ведь были высшим светом народа!

В первомайские призывы ЦК (мы этим еще занимаемся) – проект разослан по ПБ. Лигачев потребовал вернуть лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». Когда зашел ко мне Брутенц, я ему об этом рассказал. Мы долго хохотали… И знаменательно уже не то, что Е.К. «в своем репертуаре», а что это вызывает такую реакцию у нормальных людей.

Сейчас прочитал в «Юности» № 3 эссе князя Евгения Трубецкого «Максимализм», который в 1920 году предсказал – просто гениально – все, что с нами произошло сейчас и почему! Еще раз убеждаешься: гений – это загадка. Провидцы. Надо будет сказать М.С., чтоб прочел. Там также и о том, почему народ отворачивается от перестройки.

Подумал: ведь М.С.’у, чтоб делать политику, надо больше читать именно такое, а не жвачку документов и проектов в красных папках. Пусть помощники и члены Совета это читают и корректируют его, если что-то у него будет расходиться с текущей фактурой.

<u>21 апреля 90 г.</u>

Вчера «Словом о Ленине» М.С. окончательно отгородил себя и противопоставил ПБ – Лигачеву и К^o… да и Рыжкову, которого он отодвигает через Президентский совет.

Я рад, что он педалировал при произнесении пассажа «о музее большевистских редкостей»[4] и аналогии с Лениным, когда он начал вводить НЭП: на закрытых заседаниях ему все говорили «да», а стоило отвернуться, шептались – «нет!»

Вечером после Большого театра звонил М.С., говорит: никто из тех, кто рядом был в президиуме не нашел, что сказать после выступления.

Моссовет, который перешел в руки Гаврилы Попова, выразил явное недовольство Письмом ЦК: останутся лишь служилые, да серая масса. Моссовет уже фактически объявил рыночную экономику, инициирует поношение Ленина. На сессии Моссовета не постеснялись потребовать отменить «удостоверение № 1» (т.е. вечное членство Ленина в

---

[4] *Мы с Логиновым заимствовали эту метафору из мемуаров Валентина Вольского. Хитрый материальчик вставили в доклад М.С. Он приводит слова Ленина, который имел в виду старых большевиков, сделавших революцию, но не умеющих строить «новый мир». Намек на место, которое пора занять Лигачеву и К^o.*

Моссовете), убрать его бюст из зала заседаний. Попов Объявил инициативу пятерых депутатов возложить венок к Мавзолею «личным делом этих пятерых, а не депутатов Моссовета».

Свалка в Верховном Совете по поводу Гдляна. Требуют сменить Сухарева (минюст). Заявлено, что органы, т.е. Крючков и прокуратура и т.п. не имеют права козырять, что они служат социализму. Верховный Совет будет определять им, кому служить, а иначе – гуляйте.

Стрелянный (публицист) по «Немецкой волне» все сказал и о Президентском совете, и о партии, и о том, что не юридические законы будут определять, что делать.

И М.С. все это, думаю, приемлет. У него нет озлобления против Моссовета, даже против Солоухина, который публично поливает грязью Ленина. М.С. тут восхищался своим «Словом» о Ленине, и вообще, говорит, когда читаю настоящую талантливую вещь, меня увлекает не сюжет, а язык, слово, часами могу думать над одной фразой.

Я ему говорю по этому случаю: тогда вы Солженицына должны любить… У него не только в каждом слове, а в пространстве между слов – глубина и тайна русского смысла. Молчит Горбачев. Не читал ни «Октября 16-го», ни «Марта 1917-го»…

М.С. охладевает к внешней политике. Возможно, из-за Литвы. Я ему принес график встреч на май-июнь. Он мне: Делора - долой, Миттерана маханул (хотя я взвился, поскольку Миттерану уже сообщили), делегацию Социнтерна - долой. Киннока тоже. И добавляет: вот бы хорошо, если бы Марго отказалась от поездки в Киев. Да и Буш - от встречи. Совсем хорошо было бы. Делом бы занялся.

22 апреля 90 г.

Вчера на работе – текучка. Германия, Тэтчер, Буш… И их «угрозы» насчет Литвы. Мадам опять предлагает свои услуги. Пока в Западной Европе – риторика, Прунскене поехала в Осло и в Данию. Очень хорошо приняли, но нефть, чтоб прорвать нашу блокаду, не обещали.

Народ в Литве начинает задумываться – так ли все они «правильно» сделали? Не лучше ли было бы с Бразаускасом?

Неужели М.С. опять окажется прав? Неужели он готов и на такой риск в «игре»? Но ведь он тоже вроде эволюционирует… Хотя, когда сидели втроем над докладом о Ленине, по поводу абзаца, где Сталин – насчет федерации: мол, некоторые приняли это всерьез, пробросил: «Вот и мы так!» Т.е. будем заниматься риторикой и законотворчеством по преобразованию федерации, а на самом деле «держать империю».

Гляжу я на этот развал прежних структур и думаю: а может быть он (М.С.) и в самом деле «готов пойти так далеко, как вы (это он мне и Яковлеву) и не предполагаете». Не раз и уже давно он так говорил. Может, он в самом деле хочет распрощаться со всем, что нас привязывает к 70 прошедшим годам, оставив лишь некоторую символику, чтобы отличаться от Запада? Может, он так горячо настаивал на письме ЦК к партии, чтобы окончательно ее завалить или, по крайней мере, отодвинуть от реальной власти? Хотя трудно в это поверить, глядя на него на Политбюро. Может, все время в нем борются два начала и иногда побеждает импульсивное - от обкомовской его инерции. А потом он начинает «разбираться», отруливать или использовать к своей одноминутной выгоде то, что явно во вред его политике. Во всяком случае, он давно понял, что с Егором Кузьмичом, Рыжковым, Воротниковым, Зайковым и т.п. ему не по пути. И по-разному их характеризуя, он не скрывал «в нашем кругу» неприязни, по крайней мере, к первым двум. И я понимал: отделаться от них - дело времени. Теперь он почти этого достиг. Но не так, как его призывали сделать: убрать из ПБ, освежить ПБ, заменить и т.д. Это ему казалось методы «старого мышления». Теперь он сделал большее: убрал сам ПБ от власти. И это уже визуально просматривается. На возложении венков у Мавзолея в первом ряду он,

Лукьянов, Рыжков (премьер), т.е. не партийные боссы. И чуть поодаль - Яковлев (член Президентского совета). А «партийные» Лигачев и К^{о} - уже во втором ряду.

События, связанные с формированием Компартии РСФСР, создают ситуацию, когда Горбачеву надо сильно торопиться. И поскорее вывести КПСС как целое за скобки власти, окончательно сделав тем самым свое правление «светским». Хотя проблема России остается. Прав Стрелянный в своей статье: ВС РСФСР, который изберут на съезде России в мае, не будет таким послушным, как ВС СССР… если к тому же Ельцин станет президентом... Думаю, не надо сопротивляться превращению СССР в Союз государств, в конфедерацию. Тогда бы он правил бы и над Россией. А так... Если Россия выйдет из его подчинения, как он будет управлять остальной страной? Тут надвигается большой просчет. Скорей бы закрыть литовскую закавыку - по особому статусу для всей Прибалтики в Союзе. Конечно, и остальные захотят такого статуса. Назарбаев уже бьет копытом, не говоря уж об Армении, Грузии, Азербайджане. Ну и что? Неизбежное не отвратить.

Горбачев сказал мне вчера, впрочем, не впервой: никогда не пойду на то, чтобы судить за «злоупотребления властью» в застойный период. Тогда 100 тысяч надо отдавать под суд. Тогда мы возвращаемся в «1937».

30 апреля 90 г.

М.С. вернулся из Свердловска полный ощущением «победы» – завоевал рабочий класс, хотя, говорят, встретили прохладно, даже с улюлюканием кое-где и разными «такими» плакатами.

Мне он перед отъездом сказал, что доволен «Словом о Ленине», видимо начитался откликов. Продвинулись дальше (в смысле наполнения нового мышления). А в Свердловске в своих удачных экспромтах он «продвинулся» еще дальше.

Все думаю: сознательно он вел дело к идейно-психологическому развалу в обществе и сумятице в мозгах или так получилось? А он как всегда адаптировался и «оседлал процесс»? Впрочем, без этого никакого обновления не получалось бы. Даже поношение и дискредитация Ленина «экстремистами» (радикалистами, как он стал их называть) служит раскрепощению мозгов и утверждению «чувства полной свободы». Вседозволенность работает на расчистку почвы для нового общественного сознания, действительно плюралистского и ни от кого сверху не зависящего.

Загладин и Грачев привезли из Западной Европы опасения: не грядет ли (по закону маятника) новый фашизм. Потому, что в Восточной Европе победили даже не «центр», а правые, растут реакционные настроения – что самое опасное – на обывательском, в основном националистическом уровне и как отрицание чего-либо похожего на «коммунизм», а значит и всего «левого».

Оказывается, социал-демократы в лице СССР и Восточной Европы, как они их ни ругали, ощущали все таки «тыл» для всего левого движения, в противовес реакции. Этот тыл исчез. А национальный распад там и русский шовинизм у нас грозят вернуть, если не в сталинизм, то что-то похожее на николаевскую Россию – оплот всего реакционного или «великую державу», но хуже - бывшую великую, т.е. с версальским синдромом, поскольку объединение Германии, потеря союзников «отнимают» у нее победу в Великой войне – единственный и общепризнанный ее вклад в прогресс человечества и в собственное достоинство.

В разговоре с Асадом (президент Сирии) он отвлекся опять на рассуждения о «социалистической идее» в рамках перестройки. Не видит что ли, что пока эта идея в обществе держится лишь на консервативной инерции («За что боролись!» «Тогда было равенство, хоть и в бедности»)? В этом смысле характерен почти дебильный народный депутат Сухов - шофер из Харькова.

Не видит что ли М.С., что ничем оригинальным, что было бы неизвестно современному капитализму «социалистическая идея» не отличается: ни в экономике, ни в демократии, ни в других ценностях? Мы не наполнили эту идею оригинальным содержанием и никто не сможет это уже сделать.

Литва - самая болевая для него (М.С.) точка. Она - в экономической блокаде. А «восстания», которого он ждет против Ландсбергиса и Прунскене, все нет и нет. Нет у него политики в отношении Литвы, а есть одна державная идеология: не допустить распада империи. В Свердловске недавно вновь заявил - не отступит от этого.

Он очень усталый и стареет на глазах. После встречи с Асадом на улице Алексея Толстого, жаловался нам с Брутенцем, что дошел до ручки, голова ломится. И впрямь: вчера де Мезьеру (премьер ГДР) наговорил с ходу такого, от чего придется отступить. Потом диктовал свою речь для съезда РСФСР, который действительно может все и порешить, если Россия захочет выйти из СССР.

Воротников уже подал в отставку (с поста Председателя Совмина РСФСР). Власова прочат на ПБ на его место. Но, наверное, это не пройдет. Скорее всего, будет Ельцин «со всеми вытекающими». А М.С. его в Свердловске объявил конченым как политического деятеля.

Решил выписать из Селюнина: статья «Порой я чувствую себя Кассандрой», «Собеседник» № 17 за апрель 1990:

«… Нам нужна дееспособная власть и рынок. Нынешнее правительство не в состоянии сказать народу: «Коммунисты завели страну не туда»… И оно должно уйти, уступив место коалиционному правительству, у которого будет одно преимущество: оно не связано ни с отмирающей идеологией, ни с тем выбором, который, якобы, раз и навсегда сделан в 1917 году, ни с грузом, ни с преступлениями прошлого.

… Новое право (нынешнее исчерпало кредит доверия) пойдет на введение рынка и смену общественного строя».

И еще у него: «Горбачев не мог поступить иначе, не мог не отстать… 3 года назад он не мог отменить 6-ую статью Конституции, ввести закон о выходе из СССР, объявить разнообразие форм собственности, ввести многопартийность и т.п. – он на другой день стал бы «еще одним пенсионером союзного значения.

… Иначе – хаос, гражданская война и, может быть, диктатура, если не коалиционное правительство с такой выступит программой».

Статья написана 2 апреля, т.е. до решений Президентского совета по экономике, до того, когда М.С. уже говорит не о «планово-рыночной», а о просто рыночной… Но он ведь, как заявил в Свердловске, опять собирается «советоваться с народом». Но народ никогда не «посоветует» отпустить цены. Он будет держаться за старое (пусть «царь» даст), а если не даст, он его скинет – через «улицу».

Посмотрим, вещая ли будет Кассандра.

5 мая 90 г.

1 мая на Красной площади. Исторический день… Впервые на площади митинг, а потом шествие, но с требованиями и предупреждениями, вместо «ура, да здравствует» После того, как сошла первая, официальная волна демонстрантов, на площадь ввалилась вторая волна «московских клубов избирателей» с лозунгами «Долой Горбачева», «Долой КПСС – эксплуататора и грабителя народа», «Долой социализм», «Долой фашистскую красную империю», «Свободу Литве», «Партия Ленина прочь с дороги» и т.п. Горбачев и другие стали спускаться с Мавзолея под улюлюканье и хохот, сопровождаемыми криками: «Позор», «Пошляки». Красную площадь покрыл оглушительный свист. Вот такая ненависть. 30 тысяч. Пусть, как говорит Бакатин, только 7 тысяч среди них активистов, но остальные-то 23 тысячи ведь рядом, значит, вместе.

Горбачев звонил мне вечером, ругался: хулиганы, мурло. Вот тебе и Моссовет Гаврилы Попова! Это же его затея!

3 мая на ПБ обсуждали это событие. Велено было Прокофьеву (первый секретарь МГК) осудить акцию в «Правде». Яковлев, выступая перед иностранными журналистами, приписал все это правым, реакции, монархистам. М.С. говорил на ПБ: Не надо преувеличивать, но и не преуменьшать.

На этом фоне ПБ обсуждало подготовку к XXVIII Съезду партии. Все в один голос: мало рабочих (среди кандидатов).

… А что за этим? Яковлев прав: за этим тот факт, что состав Съезда формирует аппарат и он нас с вами и вместе с М.С. погонит.

Впереди Российский Съезд. М.С., наконец, сдался, согласился, что образование российской компартии неизбежно. Но прав вдруг и Фролов, который в обычной для него грубой манере, заявил на ПБ: Если мы не возьмем это дело (образование РКП) в свои руки, мы получим шовинистическую, расистскую партию, которая развалит и КПСС, и СССР, и загубит всю эту перестройку. Ленинградская учредительная конференция в апреле показала, куда идет дело с этой РКП.

Яковлев сегодня зашел – весь сияет. Был вместе с Горбачевым на ВДНХ. Там праздник газеты «Правда». Толпа вокруг него образовалась больше, чем вокруг Горбачева. «И сколько комплементов, Толя, и каких! Я такого не слышал о себе за всю свою политическую карьеру. И все больше люди из провинции».

Подумал я, «улыбаясь» его тщеславию: неужели настоящая-то, простая Россия за Яковлева, а не за Ельцина? Почему бы тогда ему в президенты России не податься?

На ПБ даны директивы Шеварднадзе на «два + четыре». Горбачев при этом разразился железобетонной речью: «Не пускать Германию в НАТО и все! Пойду на срыв венских переговоров, если так. Бумагу с предложениями на этот счет помимо Шеварднадзе, подписали Яковлев, Язов и Крючков. Но на заседании ПБ все, в том числе и они, как воды в рот набрали, а моего мнения на ПБ не спрашивают».

Утром я написал Горбачеву меморандум – протест. Смысл таков: члены ПБ, будучи не в курсе и не будучи информированными, могут обсуждать что угодно. Но, чтоб решать, надо знать предмет и не поддаваться лигачевскому крику - НАТО приближается к нашим границам! Чушь это, Михаил Сергеевич, уровень 1945 года, лжепатриотизм толпы. Ведь все равно Германия будет в НАТО и вы опять (как с РКП) будете догонять поезд… Вместо того, чтобы поставить свои условия и потом «сделать мину» (при неизбежно плохой игре).

Пока он мне не ответил, наверно, рассверепел: так всегда, когда не прав, когда эмоции обкомовского происхождения берут верх.

Начали готовить программу визита в Америку. Буш предлагает два пункта: Вашингтон и Кэмп Девид и все, хотя сам же он и Рейган приглашали в свое время Горбачева «посмотреть Америку». Буш, видимо, боится восторгов американцев, это связало бы его по проблемам Литвы, Германии, СНВ… Как он будет нажимать на Горби, если народ восхищается и верит ему?!

Подговорил я Арбатова, которому выступать по американскому телевидению, невинно пройтись на этот счет.

Интервью Афанасьева и Драча - «Реппублике» (итальянская газета). Об империи и Горбачеве. Насчет империи они, пожалуй, правы. Надо дать каждому уйти, чтоб потом каждый, кто захочет, вернулся сам. Иначе развал и кровь.

7 мая 90 г.

Приехал Шеварднадзе с «двух + четыре». И по шифровкам, и по его докладу Горбачеву ясно, что мы проиграли, отказавшись от документа, который был завален на ПБ (речь идет об условиях нашего согласия на Германию в НАТО).

Шеварднадзе пришлось там отделываться общими фразами вместо того, чтобы заставить партнеров конкретно обсуждать наши условия. И Коль, и Бейкер не преминули этим воспользоваться. Встречу Коль объявил «исторической», добавив: «Теперь никаких препятствий нет».

В воскресенье звонил мне Бишер (народный депутат СССР от Латвии). Оказывается, Горбачев уже сообщил Рубиксу (секретарь ЦК Компартии Латвии) – и сегодня это уже опубликовано в «Правде», - что с Латвией будем поступать так же, как с Литвой, если не будет отменена «Декларация 3 мая». Шахназарову на эту же тему звонил Вульфсон (тоже народный депутат). У обоих один и тот же вопль: вмешайтесь, пожалуйста, пусть президент вчитается в обращение, которое мы ему послали. Вмешались. Горбачев заявил Шаху: «Я додавлю всех!»

Да... с Горбачевым что-то происходит. Сегодня он устроил встречу с Героями Советского Союза и орденоносцами «Славы». Какой-то генерал, приехавший из Литвы, 20 минут нес черт знает что! - будто бы он не в 1990, а в 1950 году. Другие подстать, и всё под бурные аплодисменты. Западная печать усекла: Горбачев, мол, эти празднества, 45-летие победы и проч., проводит, чтобы умаслить армию, которая еще не сказала своего слова в политике. Наверное так оно и есть. Но тут сказывается и его «эмоции». (А почему у меня самого их нет? Вернее, они у меня совсем другие, эти эмоции, хотя я-то, как и эти генералы и орденоносцы, воевал с немцами, а не в Афганистане?).

Язов выступил тоже по-генеральски, по существу цинично. Обрушился на ученых-очернителей: насчитали, мол, 46 миллионов, а погибло на полях сражений всего (!) 8. Забыл даже о 3 млн. пленных только в 1941 году. По чьей вине, товарищ Язов? А ведь их судьба оказалась хуже, чем у убитых. Словом, М.С. напускает серую пену, чтобы прикрыть прорехи перестройки. Эта его акция - та самая «другая крайность», против которых он так яростно выступает.

Шеварднадзе привез от Бейкера важные уступки по СНВ. Неужели мы опять упремся?

11 мая 90 г.

Доклад о 45-летии «Победы». Хороша часть, где поминаются жертвы… Даже «шарашки» не забыл упомянуть. Выводы хороши – продвигают дальше новое мышление. Контраст с выступлением Язова на Мавзолее (по случаю парада) и его приказом. Такое, как у министра обороны, сгодилось бы и десять лет назад.

Парад мощный, рассчитан на внутреннее потребление, чтобы после второй волны первомайской демонстрации показать «всем этим»: пока есть такая сила у власти – можете пищать и вопить. Это уже укладывается в горбачевскую новую логику.

Вчера я впервые был на Президентском совете в узком составе. Очень заметно, что, разрушив прежнюю (партийную) власть, он (где-то в душе) сохранил надежду, что она перейдет к нему лично… Поскольку он ведь (как опять вчера горячо нам доказывал) за прогресс. Он же не реакционную политику проводит, он хочет добра народу и знает, как его ему принести. Вот… Когда он эмоционально на что-то реагирует и перестает рассуждать спокойно, такое вот, оказывается, представление у него о демократическом процессе.

Опять разошелся М.С. из-за Литвы. Обрушился на средства массовой информации, которые «распоясались» (гдляновщина), не выказывают никакого уважения Президенту страны. Рассказывал о встрече Раисы Максимовны с Помелой Гарриман, которая поражена

неблагодарностью советских людей к Горбачеву, не понимают величия его дела. А кончил он эту тираду тем, что, мол, время сейчас всем выбирать, в том числе и сидящим здесь.

Вот так-то… Яковлев опять принял это на свой счет. Вечером приходил жаловался. «Не знаю, что и делать, уходить что-ль». А почему? Ведь Горбачев пробросил, когда говорил о СМИ: смотрите, говорит, если Медведев что-то попросит у какого-нибудь редактора, тот пропустит мимо ушей, а если Яковлев попросит – сделает. В общем-то в точку попал, но с подтекстом: Медведев отражает «правильную» точку зрения, а Яковлев сомнительную, приспособленческую, под радикалов.

А.Н. считает, что Крючков шлет на него Горбачеву «направленную» информацию. Может быть, может быть. Крючков, действительно, вернулся к старой методе давать наверх информацию, которая будет «правильно» воспринята. Например, о замыслах сионистов. А вот о делах «Памяти» или черносотенной «Литературной России» ни разу информации не представлял.

В записке к Горбачеву понес я Язова, Бакланова, Белоусова и Катушева за их требования как ни в чем ни бывало поставлять оружие соцстранам и государствам соцориентации. Рассчитывал, что на этот раз Горбачев прореагирует, а он начертал на моей записке: «Ознакомить Бакланова».

Статья Клямкина в «Московских новостях». Называется «Прощание с 1 мая». Вывод – «конец единения народа с руководством».

13 мая 90 г.

Вчера много сделал:

- проект для интервью М.С. Time'у;
- письмо Андреотти, которое повезет Адамишин;
- речь на обеде с Мубараком и материал для разговора с ним.

Выяснял у Толи Ковалева в самом ли деле Шеварднадзе «расстыковал» объединение Германии и европейский процесс, о чем шумят все от Коля до Ганди (это результат боннского поражения на «два + четыре» и приходится выкручиваться подачками на пропаганду). Горбачев отверг мой и Шеварднадзе проект ответа Бейкеру (по самолетам на СНВ). Согласился с Ахромеевым, перед которым спасовали Язов и Зайков.

Вчера по TV передали общение Горбачева с его избирателями на XXVIII съезд во Фрунзенском районе. Он был в блестящей форме и сражался прямо таки с ленинской страстью, был откровенен, как на ПБ. И о русском народе, и об РКП, и о том, что никогда не отступит, и что те, кто все будто бы знают и имеют уже расписание, как идти к процветанию – политические мошенники, что вторая волна 1 мая на Красной площади, – это шушера с их «Долой Горбачева» и с портретами Николая II, Сталина и Ельцина. Словом, не по президентски выступал, а в прежнем своем яростном, но уже и гневном (в отличие от прошлого) стиле.

Записок было навал. Одна из них: Большевики имели план и знали куда и как вести страну, а нынешнее руководство не знает и не умеет. Парировал мгновенно: знали? Имели план? Так вот и завели страну… Нет! Будем идти от жизни, а не ломать жизнь по моделям.

Его альтернативный соперник (для избрания на Съезд) – рабочий из «Демплатформы». Начал он так: Мы увлеклись ленинским правилом – революция чего-нибудь стоит, если умеет себя защитить, а пора наоборот: революция чего-нибудь стоит, если есть что защищать.

Интересно, какой будет итог голосования. Убожество и несопоставимость соперника – ну, бьют в нос. И если его предпочтут Горбачеву, тогда уж, действительно, песенка перестройки спета.

Вечером Горбачев мне позвонил, все добирают вместе с Р.М. команду в США. Сообщил, что включают Фролова. Будто оправдывался – мол, из «Правды» нужно. Все понятно.

Спросил о моем впечатлении о его выступлении во Фрунзенском районе. Допытывался, не упустил ли он чего в своей речи. И потом вдруг с тревогой: «Изберут, как ты думаешь?» Очень симптоматично для нынешнего Горбачева.

Дочитал в «Неве» очередную порцию «Март 1917-го» Солженицына. Прямо таки хрестоматия о том, как происходят революции. И очень все похоже. Думаю, мы приближаемся к русскому 1791 году!

Звонил мне Вульфсон – старый еврейский латыш. Очень взволнован. Рубикс, говорит, объявил на 15 мая всеобщую забастовку с требованием отменить «Декларацию 3 мая». Милиция вся русская, она будет на стороне забастовщиков. В армии прошли митинги, там поддержат милицию. Если забастовщики выйдут на улицу, то латыши тоже выйдут.

И я очень боюсь… начнется побоище и тогда все, и тогда, действительно, все, потому что ясно, чью сторону возьмет Горбачев. Тогда хана визиту в США и вообще всему, ведь мы накануне российского съезда, российской партконференции, на носу забастовки в Кузбассе, Донбассе и Воркуте. Ю. Афанасьев, Ельцин и Травкин уже публично поклялись создать антикоммунистическую партию.

Очень все напоминает то, о чем пишет Солженицын про 1917 год.

А у меня почему-то нет страха…

<u>20 мая 90 г.</u>

Вчера, в субботу, М.С. позвал в Ново-Огарево обдумать концепцию к XXVIII Съезду КПСС. Приехали Яковлев, Примаков, Фролов, Шахназаров, Болдин, Петраков и я. Весь день дискутировали. Попутно услышали такие его рассуждения «о своей доле». Жизнь что? Она одна. Ее не жалко отдать за что-то стоящее. Не на жратву же или на баб только. И я ни о чем не жалею. Раскачал такую страну. Кричат: хаос, полки пустые! Партию развалил, порядка нет! А как иначе? История иначе не делается. И как правило, такие большие повороты сопровождаются большой кровью. У нас пока удалось избежать ее. И это уже колоссальное достижение. И весь мир теперь размышляет в духе нового мышления. Это что? Так себе? И все ведь - к человеку, все в русло цивилизаторское. А дефициты и полки пустые переживем. Колбаса будет. Ругают, клянут! 70 процентов аппарата ЦК и самого ЦК против меня, ненавидят. Не делает это им чести: если поскрести - шкурничество. Не жалею ни о чем и не боюсь. И на съезде не буду ни каяться, ни оправдываться.

Целый день говорили вокруг этих проблем. Он даже согласился с моим заявлением (а это я уже не раз ему говорил), что перестройка означает смену общественной системы. Согласился, но добавил: в рамках социалистического выбора. Ну и ладно пока...

А в итоге поручил Примакову, Шаху и мне все обобщить и через два дня представить проспект доклада Съезду.

Сегодня я весь день писал. Сочинил 14 страниц. Как быть дальше? Мне ведь надо готовить материалы для Вашингтона, тут еще конь не валялся. Значит, сесть рядом с Шахом я сейчас не могу, а доверить мое ему я тоже не могу – изуродует по своему. Наверно, придется отдать все таки ему + Яковлеву, пусть покрутятся пока мы «ездим по Америкам».

Вчера я в Ново-Огареве произнес еще одну горячую речь – насчет того, что нужно по-новому поставить на Съезде и женский вопрос.

17 июня 90 г.

29-30 мая были в Канаде. В Оттаве, в аэропорту Горбачева спросили об его отношении к избранию Ельцина председателем Верховного Совета РСФСР. Отвечал длинно и не нужно. Еще одно очко в пользу Ельцина.

С 30 мая по 4 июня – Вашингтон. Встречи, визиты, поездки по городу, ночная изнуряющая работа по подытоживанию бешенной активности Горбачева. Он был в ударе: там, на Западе, он в среде, где его поняли и оценили величие им сделанного, а у нас – сплошное похабство.

Мениаполис – Сен-Пол – «Контр-Дейт» и др. Везде толпы, как в финском Оулу или в итальянском Милане.

Стенфорд, университет – виск и восторг студентов. Выступал в огромном зале под сплошные аплодисменты. Джорж Шульц, который здесь ректор университета, выступая после М.С., назвал его великим человеком = деятелем и мыслителем. Наши газеты это не воспроизвели, конечно.

А в Москве в это время… Лигачев на крестьянском съезде уже в открытую назвал президента предателем, развалившем страну и социалистическое содружество. И добавил, что он, Лигачев, будет бороться до конца.

На московской партконференции Прокофьев обошел Горбачева слева. Силаев, премьер-министр России, выступил за частную собственность (полная метаморфоза у технократа). Кстати, Бочарова взять в премьеры Ельцин побоялся, а взял Силаева, хотя это был человек Горбачева. Чудеса!

Два дня мучился с докладом Горбачева для Верховного Совета. МИД не дал ни строчки.

Я вообще не понимаю, что людям нужно. Остервенели в погоне за славой и похвалами. Главное для них быть замеченными. Это и на российском съезде, и в Верховном Совете, и в СМИ.

На Верховном Совете РСФСР президенту устроили кошачий концерт, которым дирижировал сам Ельцин.

В самолете, при возвращении из Америки, был такой разговор. Горбачев говорит мне: «Думаешь, Толя, я не вижу, кто работает для дела, а кто – чтобы покрутиться рядом, отраженным светом демонстрировать себя публике. Я все вижу, не думай…» Я начал было оправдывать тех, кого он имел в виду. Он мне: «Да, брось, ты… Известный либерал ты…»

А вообще-то, как отвлечешься от повседневных перегрузок - ощущение полного завала и распада... Наверное, это и есть настоящая революция: от системы к системе. Что я и пытаюсь заложить в доклад к XXYIII Съезду. Наверное, люди именно так переживают такие времена.

24 июня 90г.

Вчера Полозков избран первым секретарем Российской компартии. Со всех сторон, включая даже редакцию «Коммунист», от всяких писателей и театральных деятелей идут протестующие телеграммы и звонки: индивидуально и целыми организациями люди хотят выходить из партии. Мне тоже надо об этом подумать. Горбачев торчал на съезде все время, выслушивая грубости и принимая прямые оплеухи от этой черни, включая генерала Макашева, от которого перчатку не принял и по существу предал всех, кто бросался его защищать. Сносил не просто оскорбления, а махровую дикость. Потом произнес заключительное слово. Но свел все (этого потребовали от него!) к ответам на вопросы - провокационные, ехидные, с подковырками, ни одного «уважительного», глупые. Отвечал путано, многословно, сумбурно, иногда не умея выразить того, что имел в виду: потому что не хотел, чтобы было ясно и, как всегда, боясь определенности. Повторил свое клише -

против ухода с поста генсека, против превращения КПСС в парламентскую партию, за рабочий класс, как социальную базу партии, и прочее, и прочее. По существу это все популистские, компрометирующие его перестроечную концепцию вещи.

Он слишком стал разный: один за границей, другой - здесь. Это особенно контрастно выглядит после недавней поездки в Америку. Там его здравый смысл, там его теория «движения страны к процветанию». Тут инстинкты страха, тактически - аппаратный образ действий, привязанность к компромиссам, которая уже наносят огромный вред политике и всему делу. Если он пойдет на Пленум ЦК КПСС (для утверждения проекта своего доклада к XXYIII съезду), то теперь-то уж его разнесут вчистую - после этого темного съезда РКП. И даже могут снять с генсекства. И сделают это обязательно, если он представит доклад, который подготовлен в Волынском-2. А играть ва-банк, судя по его поведению на съезде РКП он не будет. Значит, подчинится. Думаю, и от рынка отступится… и будет всеобщий позор и бесславный конец. Может быть, не сразу, а по сильно скользящей наклонной. «Великий человек» - а он оказался именно в таком положении - не смог удержаться на уровне своей великости, когда пробил час. А он пробил именно в эти дни.

Сейчас либо «брестский мир» или как на X съезде РКП(б) - назрел ультиматум партии, как это сделал Ленин, иначе перестройка будет не горбачевской, так же, как социализм после Ленина не стал ленинским.

Мы с Шахназаровым написали ему записку, умоляя оставить пост в партии. Доказывали, что выход сейчас из партии для него означает подняться над всеми партиями, стать действительно президентом. И, кстати, уход позволил бы ему отгородиться от нападок и оскорблений всяких шавок, которые пользуются уставным партийным правом и дискредитируют его на уровне собственной «культуры». Записка была проигнорирована. Горбачев либо считает, что опять все ему сойдет (хотя с каждым разом сходит все хуже и для него, и для страны), либо он что-то задумал. Но тогда зачем он раздевается публично на съезде РКП? Чтобы потом обвинили в обмане, в коварстве? ...

После избрания Полозкова, Шаталин стал искать Горбачева по телефону из больницы, чтобы потребовать немедленного созыва Съезда народных депутатов. Иначе он, Шаталин, уйдет из президентского совета. Горбачев молчит. Не знаем его отношения к проекту выступления на Съезде, до которого осталась всего неделя. Впрочем, может быть, он как всегда полагает, что за день до выступления передиктует как надо. Но теперь я уже не верю, что будет «как надо». Не получаются у него уже экспромты перед своими, дома. Они скучны и путаны. В отличие от блестящих, просто талантливых экспромтах в зарубежных поездках. Там он чувствует себя в понимающей и доброжелательной среде и поэтому позволяет себе не скрывать того, что он на самом деле думает. Там он искренен, а здесь ловчит… Здесь тянется за ним идеологический шлейф… и страх, что без этого шлейфа его не «воспримут».

1 июля 90 г.

Горбачев сидит на даче и правит последний раз свой последний доклад съезду партии. Иногда приезжает в Волынское-2, сидим там до двух, четырех утра. Иногда перемещаемся в Ново-Огарево. Последнее такое сидение там было в четверг. Обсасывали каждую фразу, то и дело возвращались к уже отредактированному. Мы – это Яковлев, Медведев, Фролов, Болдин, Шахназаров, Петраков, Биккенин и я, грешный. Больше всего хлопот доставлял экономический раздел. Горбачев все норовил показать успехи, манипулируя цифрами. Удалось убедить его свести успехи к минимуму.

Вечером в этот день он созвал в Ново-Огареве Политбюро. Нас на заседание не пустили. Просидели они до 12 часов ночи. Перебирали кандидатуры на председателя КПСС (или Генсека) и на первого зама (новая должность). Почти все заявили, что они уходят из ПБ. Кандидатами в лидеры КПСС назывались Рыжков и… Фролов. Оба отказались –

первый, чтобы это не выглядело его бегством из правительства. Что ж – благородно! Второй кокетничал: мол, я пока занялся бы в ПБ идеологией. Ванька скачет…

Называли еще Бакатина. Лигачев потребовал, чтобы Горбачев ушел с поста президента и целиком посвятил себя партии. Хитрый ход!

Горбачев занял такую позицию: либо я безальтернативно иду на первое место – Генсеком, председателем, как угодно, либо я вообще отказываюсь от партийного поста. Иначе говоря, смысл соединения государственного и партийного постов для него только, когда речь идет о нем самом, иначе, по его словам, - бессмыслица (с точки зрения перестройки).

На Пленуме ЦК в пятницу потребовали, чтобы Горбачев выбрал один из постов. Он ответил так же, как и на ПБ.

Мальков из Читы, явно с подачи Лигачева, потребовал также вывесить портреты Полозкова.

Между тем, независимая пресса, в том числе «Коммунист», публикуют заявления своих сотрудников, что в РКП они не пойдут. За это Лацис (член редколлегии «Коммуниста») на собрании представителей делегации был исключен из двух комиссий Съезда, а горлопаны тут же потребовали его исключить и из партии.

Горбачев на Пленуме выступил резко и жестко. Заявил, что такого хамства, как было на российском съезде, он больше не потерпит. Настроен он (в нашем кругу) бодро, насмешливо, выглядит дико усталым. Это его стихия – сражаться. Тут он набирает силы.

Дело идет, видимо, к превращению ЦК и Политбюро в посредственную команду, которая будет заниматься сугубо партийными делами. К власти М.С. их не допустит, наоборот, скорее всего будет укреплять президентский совет, как властную структуру, а не только консультативную. А генсекство ему нужно, чтобы не распоясались в конец и чтобы не превратили партию целиком во враждебную ему силу. Если же во главе партии (пусть даже в качестве второго лица) станет Лигачев, образуются две партии, одна из них – на «Демплатформе».

Ново-Огарево. На другой день после последнего в истории заседания Политбюро ЦК КПСС. Вытащили большой стол к берегу Москва-реки, поставили на краю обрыва. Официанты принесли коньяк и закуску. Кто–то стал развивать теорию 35 грамм. И вот думаю, человек, вокруг которого сейчас закрутился весь мир... и мы с ним за круглым столом за панибрата. Он иногда становится совсем свойский, особенно, когда начинает вспоминать Ставрополь или МГУ. А кто мы вокруг него? Кто я? Мне он тут отвалил комплимент, дней десять назад, при всех. Стиль, говорит, у тебя. Ни у Фролова, ни у Шаха, ни у Беккенина - нет такого стиля. Стиль Анатолия! Он меня чувствует лучше всех. И строже, чем мой собственный стиль, не любит он расплываться в объяснениях.

Я вставил в текст его доклада знаменитое: Hic Rhodas, hic salta! Выражение удержалось в тексте до самого последнего, все шумели, требуя убрать, но Горбачев держал ее до последнего варианта.

<u>8 июля 90 г.</u>

Идет съезд партии. Скопище обезумевших провинциалов и столичных демагогов. Настолько примитивный уровень, что воспринять что-то, кроме ВПШ'овского «марксизьма-ленинизьма» они просто не в состоянии. Все иное для них предательство. В лучшем случае - отсутствие идеологии.

Медведев блестяще и атакующе вчера дал отпор, пытался доказать, что теперь надо иначе смотреть на саму суть идеологии. Его слушали, так как говорил сильно, но в конце осудили. Один вышел к микрофону, поднял свой мандат (он красного цвета) и произнес: «Товарищ Медведев, Вы знаете, что означает такая карточка в руках футбольного судьи? Так вот. Я Вам показываю красную карточку, т.е. «Долой с поля!», как грубо нарушившего правила игры».

Масса жаждет крови, требует заслушивать каждого члена ПБ, чтоб превратить Съезд в экзекуцию. Яковлев, правда, смазал их своей искренностью, хитрован, даже хлопали ему, в общем не дался на расправу. Но зато вчера при ответах на вопросы, показал себя совсем негодным, просто не профессиональным. Наговорил глупостей и пошлостей про Восточную Европу, про комдвижение, которое, якобы, даже лучше стало. Стал зачитывать цитаты из своих выступлений в Литве, а ему противопоставили другие цитаты из тех же выступлений – как он подыгрывал прибалтам. Предъявили стенограмму его позавчерашней беседы с лидерами «Демплатформы». Договорился до того, что в след за Третьяковым в «Московских новостях» представил себя идеологом и зачинателем перестройки, что именно он сыграл такую роль, а Горбачев лишь переводил его идею в лозунги.

И вообще был косноязычен и жалок.

После встречи с секретарями райкомов и горкомов Горбачев сказал мне: «Шкурники. Им, кроме кормушки и власти, ничего не нужно». Ругался матерно. Я ему: «Бросьте Вы их. Вы - президент, Вы же видите, что это за партия, и фактически Вы заложником ее остаетесь, мальчиком для битья». «Знаешь, Толя, - ответил он мне, - думаешь не вижу? Вижу. Да и все твои (!) Арбатовы, Шмелевы... письма пишут такие же. Но нельзя эту паршивую собаку отпускать с поводка. Если я это сделаю, вся эта махина будет против меня».

Вчера на съезде Ивашко отвел М.С. в сторонку. Пошептались. Оказалось, тот предупредил, что в резолюции съезда хотят генсеку неуд поставить. Тут же М.С. забрал в свои руки председательство на съезде. Большинство только что проголосовало за то, чтобы каждого члена Политбюро выслушать и дать ему персональную оценку. М.С. ринулся «спасать ситуацию»: «Если Вы на это пойдете, партия расколется». Вот и получается, что вместо того чтобы самому расколоть такую партию два года назад, он сейчас, когда она превратилась во враждебную ему и перестройке силу, продолжает спасать ее от раскола.

Иногда прорываются на съезде и разумные голоса, но из тут же забивают. Есть «крики души», например, выступление вчера тверской женщины, но они только усиливают общий крик против Горбачева.

Он изолирован. Прошли времена, когда в перерывах заседаний на него наваливались толпы с вопросами. Одиноко идет он за кулисы в сопровождении своего Володи (охранника). Жалко его. А это ужасно, когда жалко главу государства. Но его жалеют уже публично, в газетах и на телевидении.

Он обвиняет своих оппонентов в том, что они не ощущают, что живем уже в другом обществе. Но он сам этого не ощущает, потому что его понимание «другого общества» не совпадает с тем, какое оно на самом деле. А оно оказалось в массе своей плохим, а не хорошим, на что он рассчитывал, когда давал ему свободу.

9 июля 90 г.

Вчера весь день Горбачев - «с рабочими и крестьянами» в Кремле на их съезде. Потом - на комиссии по Уставу партии. Неумолим и настойчив. Только чего добивается-то? Лигачева в качестве заместителя генсека? И что он будет «иметь» с этой партии?

Вся московская интеллигентская пресса кроет и съезд, и Лигачева с Полозковым, и недоумевает по поводу тактики Горбачева. Поступают сведения, что творческие союзы собираются скопом уходить из КПСС.

В этот день пришло послание от Джоржа Буша, в котором он сообщает о заседании Совета НАТО в Лондоне. Хорошее письмо, дружеское. Это – моральная поддержка.

Вчерашнее интервью Горбачева после встречи с рабочими. Опять: «КПСС - это партия рабочих. И идеология ее - от рабочего класса». Те, кто за него или хотя бы без него, но за перестройку, в полной растерянности. В докладе на съезде он говорит одно, а под

угрозой забастовки в Кузбассе и под давлением горлопанов на съезде говорит другое. Не чувствует он гула истории, о чем сам же предупреждал в свое время Хонеккера.

Контрастом является речь Ельцина, которую ему написал Попцов. Один из делегатов назвал ее бонапартистской, может, и правильно с точки зрения популизма, в расчете предотвратить гражданскую войну. И вообще Ельцин выглядел солиднее президента, ибо он определеннее. А этот мечется в своей компромиссной тактике, хотя самому полуграмотному в политике уже видно, что никакой консолидации не будет.

Сегодня начнут выдвигать кандидатуры на Генсека. Будут принимать решения. Интересно, что там останется от идеи рынка и от нового мышления?

Звонил Яковлев, расстроенный от того, что провалился в своих ответах на съезде. Нет, Саша, без предварительных заготовок языком ты не владеешь!

На этой неделе Коль и Вернер (генсек НАТО) уже в Москве. Пора мне браться за свое дело. А спектакль в Кремле продолжается…, хотя урожай, говорят, небывалый. Кто собирать будет?!

10 июля 90 г.

Сегодня, видимо, ключевой день съезда… Не знаю, может – и для всей перестройки. Горбачев опять победил, хотя 1300 голосов – против него. Сделал блестящее заключительное слово. Особенно я рад, что он произнес все, что я сочинил по идеологии, включая – о «кратком курсе», и что предложил несогласным генералам отставку. И по вопросу о рынку дал отлуп, и по аграрной политике, и по всей внешней, не уступил ни в чем! Но в ответах на вопросы опять пел о «социалистическом выборе» и неудачно среагировал на вопрос о Ельцине («если он с нами…»).

Лигачева не выдвигали на Генсека, видимо, приберегли для поста первого зама.

Из двух источников слух о заговоре военных (от одного майора из института Арбатова и от сотрудника АПН, которому Макашев открылся, приняв за своего). Надо будет предупредить Горбачева, хотя «фактуры» у меня нет.

11 июля 90 г.

Горбачев позвонил в полночь, довольный. Перебирал перипетии своего движения к победе. Поговорили об интеллектуальном уровне съезда. Коэн ему сказал: «Съезд к концу полевел». Я в ответ: «Западники все сводят к простой формуле – «право – лево». На самом деле все гораздо сложнее».

Сообщил мне, что поедет с Колем в Ставрополье. Вот, тебе товарищ Фалин, и Юрьев день.

Просил подобрать кандидатуры интеллектуалов в ЦК (ему, как Генсеку, полагается выдвинуть список из 75 человек). Сам назвал Журкина и Мартынова (директора академических институтов). Я поддержал. «А Арбатова уже не нужно», - сказал он.

Откуда я ему возьму интеллектуалов моложе 60 лет? Женщин просил назвать. Согласился со мной, что с женским аспектом у нас совсем плохо. Я сказал, что на примете у меня, пожалуй, только одна – Искра Степановна Андреева. «А сколько ей?» – 60. «Ну, поздновато».

Просил готовить материал к беседам с Колем.

12 июля 90 г.

Сегодня Ельцин театрально с трибуны съезда заявил, что он уходит из партии, и покинул зал под редкие выкрики «Позор!». М.С. вечером позвонил мне. Стал пояснять, что

это «логический конец». Я ему в ответ: «Нельзя недооценивать этого шага». Такие вещи производят сильное впечатление:

Во-первых, эмоционально. Человек позволил себе, и это вызывает уважение и интерес к нему.

Во-вторых, сигнал общественности и Советам, что можно с КПСС отныне не считаться. Можно с партаппаратом отныне поступать вот так

В-третьих, сигнал коммунистам. Можно уже не дорожить партбилетом и оставаться на коне.

В-четвертых (Горбачеву тогда я этот пункт «не сказал»): это вы довели дело до того, что могут происходить такие вещи.

В-пятых. Вы тут две недели из-за запятых спорите. Перед всей страной болтовню разводите, разрушая свой авторитет. А урожай на полях сыпется. И вообще все останавливается.

В-шестых, и главное (тоже оставил при себе). Вы, зубами рвали, чтобы сохранить за собой пост генсека в партии. А он (Ельцин) плюнул ей в лицо и пошел делать дело, которое вам надлежало делать.

Обиделся, когда я стал расхваливать команду министров и парламентариев, которых Ельцин с Силаевым набрали. Бурно, по - горбачевски, стал предрекать им провал. Мол, соприкоснутся с жизнью... Вот-вот, ответствовал я: думаю, что с Россией они справятся быстро. Ух, как он взвился, обвинил меня в профессорстве, в аплодисментах, в эйфории и т.д. Конечно, не очень это я деликатно... после музыкального момента с выходкой Ельцина на съезде.

<u>14 июля 90 г.</u>

Вчера подготовил для Горбачева материал к Колю. В конце написал – чтоб договорились о том, какой ответ Коль будет давать насчет согласия Горбачева на вхождение Германии в НАТО. Ведь мир еще не знает об этом согласии, данном Бушу в Вашингтоне, и может получится так: Буш, мол, не уломал Горбачева, а этот, немец, быстро купил согласие за кредиты.

На съезд не хожу. Там идет постыдная возня из-за абзацев, слов и фраз. Поносят «Демплатформу» – Шестаковского, Собчака, Лысенко, «которые опозорили съезд», требуют тут же исключить их из партии и даже лишить их ученых званий, потому что их диссертации, наверно, не основаны на марксизме-ленинизме. Вот – партия, за которую так сражался Горбачев.

Горбачев набрал в свою квоту членов ЦК… и это нечто! Среди них явные враги перестройки, вроде замзавов из аппарата: Бабичев, Дегтярев, Афонин и проч. Ваньку (Фролова), говорят, хочет сделать членом ПБ.

Приходил Яковлев, печальный. Он в положении «мавр сделал свое дело…» Я в общем тоже. Писарчуки по сравнению с Ванькой. Яковлев оскорблен еще тем, что Горбачев «под конец» уволил его помощника Кузнецова за бабские дела и пьянки, а на самом деле за дружбу с генералом Калугиным, из-за которого скандал в КГБ.

Впрочем, Крючков превратился в вульгарного доносчика, к тому же мстительного.

Жутко не хочется в этой ситуации лететь с ним и с Колем на Кавказ. Может, пронесет? М.С. становится мне по-человечески неприятен.

<u>15 июля 90 г.</u>

Вчера у Горбачева Вернер. Это – событие.

Сегодня - Коль. С утра они с ним на ул. А. Толстого в шехтелевском особняке. Горбачев подтверждает свое согласие на вхождение объединенной Германии в НАТО. Коль определенен и напорист. Ведет честную, но жесткую игру. И дело не в приманке (кредиты),

дело в том, что сопротивляться тут бессмысленно, это против потока событий, в разрез с теми самыми реальностями, на которые М.С. любит ссылаться.

Я в каком-то раздрызганном состоянии, не пойму, что со мной. Конечно, съезд оставил удручающее впечатление. Конечно, сказывается и отношение Горбачева, к людям, которые ему преданы до конца, которые помогают ему сохраняться на своем уровне, реализовывать свои потенции, иначе они во многом могли бы не состояться. Отношение его к нам тоже все больше удручает. Он начинает портиться, как все при власти. Жалко

Эти дни все думаю об отставке. Конечно, смешно обижаться на президента сверхдержавы, да и вообще, что значат мои ощущения перед лицом его перегрузок. Однако есть и собственное достоинство и, кроме того, становится неинтересно делать дело при таком его поведении. Именно в таком состоянии я и сачканул. Из особняка на улице Алексея Толстого, я уехал в ЦК, а не на аэродром, чтобы лететь на Кавказ - под предлогом, что он (М.С.) меня лично не пригласил. Хотя мне было известно, что в утвержденном списке сопровождающих моя фамилия была. Страшно мне не хотелось ехать на этот раз с ним. Так что я сделал себе самоволку. Потом меня многие спрашивали, особенно немцы, почему меня не было в Архызе. Подозревали тут политику...

Почему-то мои размышления об отставке корреспондируют в подкорке с выходом Ельцина, Собчака, Попова из партии, с намерением многих интеллигентов сделать то же самое. Наверно, не случайна эта связка.

21 июля 90 г.

На работе готовил материалы к встрече Горбачева с индийцем Сингхом. Вроде Ганди по боку. Сколько торжественных слов было сказано. И ведь М.С. искренне верил, что с «великой Индией» пойдут дела… Ничего не произошло. И в экономических связях – все как было, а военные – сокращаем… Не там было главное направление.

Был у него Делор. Тоже присматривается. Обещает все изучить. Но под «ни за что» денег не даст. Вообще, под имя Горбачева закладная становится для Запада все более сомнительной. Вон он сколько наговорил в последнее время: и Колю, и Вернеру, и индийскому премьеру, каждому из сиятельных иностранцев? И о том, что будет у нас авторитетный президентский совет, сильный Совет Федерации, что будет союзный договор. А когда собрался этот Совет Федерации, Ельцин не явился, а из Прибалтики приехали второстепенные лица. Правда, была Прунскене. Но с ходу заявила, что не собирается участвовать ни в каком союзном договоре, что Литва уходит, ее только этот вопрос и интересует. Горбунова из Латвии Горбачев лично просил приехать. Не приехал. Ельцин претендует на Кремль - в качестве президента России и для пущей важности. Наиздавал указов, по сравнению с которыми эстонские законы прошлого года, фактически дезавуировавшие права Центра, - детский сад. Горбачев остается властью без связи и рычагов. Как же он рассчитывает руководить?

Нет, Михаил Сергеевич. Логика жизни это вовсе не логика правильных умозаключений. Вы начали процесс, который должен иметь естественное развитие. Вы это закладывали в главную идею перестройки. И это произошло. Так не дискредитируйте себя попытками управлять из Центра. Вам остается мудро наблюдать, как все теперь пойдет само собой, и не мешать и не навредить. Ведь это и Ваш лозунг - не мешать. Правда, Вы его сказали в отношении колхозов и их судьбы. Но надо его распространить на все, на всю страну. И прежде всего - разогнать министерства. Правильно сказал по поводу нашей реформы английский министр в разговоре с Вами: «Когда кошке отрезают хвост по кусочкам - это хуже, чем сразу».

Гаврила Попов издал по Москве постановление отозвать всех милиционеров с охраны общественных объектов, прежде всего, ЦК, МГК, райкомов и т.п. Милиционеров, мол, не хватает для борьбы с преступностью. А тут еще надо охранять Волынское-1, Волынское-2 и сколько их там.

Горбачев сказал мне: «Ты поедешь», т.е. он в отпуск в Крым, а я при нем. Но Кручина уже не дает машину для меня туда. Дадут ли стенографисток? Ведь президентский совет пока церковная мышь.

29 июля 90 г.

Неделя была тяжелая. Сингх красив, умен, спокоен, интереснее и солиднее Раджива.

Сразу после него Андреотти. Материалы для него еще более серьезные. А «промежду» Горбачев успел еще встретиться с японцем Сакурати, потом ругался: мол, если только об островах говорить, то он к ним в Японию с визитом не поедет.

Но к счастью на подходе был Икэда. Интересная фигура. Все время хлопал Горбачева по плечу и то и дело что-то выкрикивал по-японски - от восторга перед великой личностью. Горбачева это вдохновило. И он стал философствовать и опять «далеко пошел». Тоже, впрочем, произошло и с Андреотти. Есть, однако, надежда, что этот реально поможет, а не только будет изучать и советовать, как Делор, Буш, Хёрд и другие. А Ельцин в это время обратился к соотечественникам с призывом убрать урожаи и пообещал вознаграждение, т.е. не на ура! и не только с лозунгами сделал то, что я советовал сделать Горбачеву. Он проигнорировал и опять опоздал.

Между прочим, в обращении Ельцина есть такие слова: «Давайте спасать то, что еще можно спасти в России, над которой провели такой недобросовестный эксперимент». Это о перестройке.

В интервью австрийской газете Ельцин опять списывал Горбачева со счета. Сейчас он отдыхает в Юрмале и договаривается с прибалтами о союзнических отношениях на равных. И здесь опередил Горбачева.

Он откровенно паразитирует на начинаниях Горбачева и на последствиях его политики. Без Горбачева не было бы Ельцина.

Вчера переписывал текст договора с Германией после Квицинского с Фалиным. Потом собирал чемодан и книги. Завтра в Крым на «сладкую каторгу». На этот раз с Петраковым и тремя женщинами.

Пришел ко мне Шахназаров и говорит: «Может я уже ему (Горбачеву) не нужен?»

- А что?
- Как же он к себе третьего армянина берет?

Я не сразу понял, о ком речь. Подумал о Брутенце, которого я навязывал Горбачеву в советники. Ошибся. Третьим стал Примаков

21 августа 90 г.

(Запись сделана по возвращении из Крыма в Москву)

В день приезда в Крым в отпуск Горбачев озадачил меня статьей на тему «Рынок и социализм». «Меня, вот, - говорил он, - обвиняют, будто я хочу увести страну от социализма, предать социалистический выбор». Через два дня я ему принес набросок. Он мне: «Ты меня неправильно понял. Возможно, я не ясно изложил идею». Из того, что он потом наговорил, я усек, что он уже хочет чего-то совсем другого.

Через три дня я принес новый вариант. Покривился, хотя и сказал, что теперь уже вроде получается. Короче говоря, и хочется, и колется у него на эту тему. А главное, не получается сочетания двух слов в названии статьи.

Шахназарову он в это же время поручил подготовить интервью по проблемам Союзного договора. Когда Шахназаров прислал проект, Горбачев забраковал и долго ругался. А ругался, потому что Шахназаров реалистически изобразил, что неизбежно произойдет. А М.С. этого не хочет и опять опаздывает. Сначала он ратует за восстановление ленинского понимания федеративности, потом - за обновленный федерализм, потом - за реальную федерацию, потом - за конфедерацию, потом - за союз

суверенных республик. Наконец - за Союз государств, это - когда некоторые республики уже заявили о выходе из СССР. Шахназаров переделал и прислал взамен слезливую бодягу, увещевание - не уходите, мол, всем будет плохо, а в новом Союзе будет хорошо!

Но Горбачев уже передумал и насчет статьи, и насчет интервью.

Решил поехать на маневры в Одесский военный округ, там произнести речь и затронуть эти темы. Трижды передиктовывал текст речи. В вопросе о рынке вроде продвинулся. Впервые произнес, что основа всего - частная собственность, уже без прилагательного: социалистическая или какая-нибудь там другая. Определился и с кризисом социализма, успокоился насчет приватизации, включив ее в социалистический выбор, но во главу решительно поставил разгосударствление. Словом, держит его еще идеология, а, вернее, мифология, к которой, как он считает, еще привязано большинство населения. Отдает ей дань, хотя все меньше и меньше.

Вернувшись из Одессы, спрашивал меня, какие отклики на его речь. Увы! Я ничего ему не мог сказать. Никаких откликов ни в Москве, ни среди отдыхающих в санатории, где я жил, я не услышал. Он никак не может примириться с тем, что слово теперь ценится только как дело, а не как отражение идеологии. С идеологией действительно покончено везде.

Из Крыма по просьбе разных организаций он посылал приветствия всяким конференциям, слетам, международным встречам. Но их даже не публиковали центральные газеты. И тем более - никаких откликов на них не последовало.

11 августа 1990 года вечером он собрал в Мухалатке кое-кого из больших начальников, которые в это время отдыхали в Крыму. Это он проделывал каждый год, но меня пригласил впервые на такое сборище. Были Назарбаев, Язов, Медведев, Фролов, Нишанов, Ниязов, Примаков, с женами, у кого таковые были. Примаков, конечно,- за тамаду. Все подряд говорили тосты. Горбачев сам представлял слово.

Назарбаев вступал в дело неоднократно, в тональности у него чувствовалась подчеркнутая самоуверенность. Много рассуждал о свободном рынке, о том, какими богатствами располагает «его государство» - уникальными, без которых другие в Союзе не проживут.

А тем временем разворачивался иракский кризис. У меня были опасения, что М.С. поостережется круто осудить Хусейна. Но я, к счастью, ошибся. К тому же Шеварднадзе действовал строго в духе нового мышления. Правда, все, начиная с согласия на встречу с Бейкером в Москве и на совместное заявление с ним, согласовывал с Горбачевым по телефону. Иногда, впрочем, если звонил ночью, я Горбачева не беспокоил и брал на себя, уверяя Эдуарда Амвросиевича, что Горбачев поддержит.

Пригласил однажды вечером Горбачев меня и Примакова на семейный ужин к себе на дачу. Поговорили откровенно. Главным образом - вокруг Ельцина и Полозкова.

Горбачев: «Все видят, какой Ельцин прохвост, человек без правил, без морали, вне культуры. Все видят, что он занимается демагогией (Татарии - свободу. Коми - свободу, Башкирии - пожалуйста). А по векселям платить прийдется Горбачеву. Но ни в одной газете, ни в одной передаче ни слова критики, не говоря уже об осуждении. Ничего, даже по поводу его пошлых интервью разным швейцарским и японским газетам, где он ну просто не может без того, чтобы не обхамить Горбачева. Как с человеком ничего у меня с ним быть не может, но в политике буду последовательно держаться компромисса, потому что без России ничего не сделаешь».

Заговорили о Полозкове. Я сказал, что чем хуже в РКП, тем лучше. Чем она сталинистее, тем скорее сойдет с политической сцены.

Примаков: есть опасность смычки Ельцин-Полозков. Я согласился. Есть. Если РКП будет слабеть, Ельцин ее облагодетельствует, подобрав и поставив на службу своему бонапартизму. Если она будет усиливаться, он постарается не сделать из нее врага.

Примаков: надо обласкать Полозкова, дать ему хорошую должностишку и пусть уйдет с должности первого в Р[5]КП, а туда двинуть перестройщика.

Я возразил: это иллюзия. Полозков хотя и темный, но понимает, что, уйди он с поста или откажись от своей нины-андреевской программы, он политический труп.

М.С. игнорировал наши ходы вокруг этой темы. И заключил так: я же Полозкова знаю очень давно. Он честный, порядочный мужик, но глупый, необразованный. Он даже в этом своем последнем интервью показал, что не понимает, что говорит. Ему напишут - он произнесет.

Заговорили о Рыжкове. Примаков: надо распрощаться с Рыжковым. Он объединяет ВПК, директоров (включая военных), объединяет их на анти-Ваших, М.С., позициях. Он не способен воспринять рынок, тем более реализовать рыночную концепцию. Он публично противопоставляет свою программу программе президента, дискредитирует «группу 13»[5], Абалкин превратился в его клеврета.

Я поддержал Примакова. Горбачев: «Котята вы. Если в такой ситуации я еще и здесь создам фронт противостояния, конченные мы. Рыжков и сам Совмин падут естественными жертвами объективного развертывания рыночной системы. Будет так же с государственной властью партии и произойдет это уже в этом году». Мы с Примаковым согласились на словах, но не в душе, ибо время-то опять теряем. Программу-то экономическую надо принимать не когда-нибудь, а уже в сентябре.

Незадолго перед отъездом из Крыма Горбачев с подачи Примакова пригласил к себе Игнатенко, чтобы предложить ему «должность Фицуотера» (пресс-секретарь Буша). Красивый, умный, талантливый. Журнал «Новое время» поставил наилучшим образом. Игнатенко был очень польщен. Вел себя достойно. Напомнил, что он ведь создал фильм о Брежневе. За это Ленинскую премию получил. М.С. к этому отнесся нормально. Важно, говорит, что ты сейчас думаешь и делаешь сейчас, а мы все - из того времени.

Погуляли по вечерним дорожкам вокруг дачи. Горбачев его прощупывал на разные темы.

Игнатенко улетел в Москву и на другой день звонил Примакову. По словам Жени, был какой-то кислый, то ли испугался, то ли жалко журнал бросить, то ли свободу не хочет терять, то ли боится слишком ангажироваться в отношении Горбачева, хотя в беседе у Горбачева смело заявил: два года назад я бы подумал, т.е. когда Горбачев был еще на взлете, а теперь соглашаюсь безвозвратно (когда дела у Горбачева все хуже и хуже).

Указ о возвращении гражданства Солженицыну и еще двадцати трем. Горбачев и здесь опоздал. Это надо было сделать два - два с половиной года назад, когда такую акцию приписали бы ему лично. А сейчас уже никто не видит в этом его заслуги. Да и в самом деле, это результат самой логики времени. Он ей положил начало, но с ним ее уже не связывают. Между прочим, мы (я, Шахназаров, Яковлев, Арбатов) давно приставали к нему с Солженицыным, еще когда Политбюро было в форме и в силе. А он на ПБ говорил: никогда! хотя сам много раз учил нас никогда не говорить «никогда».

26 августа 90 г.

Вчера М.С. встречался с Дюма, министром иностранных дел Франции. Тот расшаркивался: «Франция - СССР - это незаменимо. Это особенно важно и для Ближнего Востока, и для Европы в свете объединения Германии. Да и чтобы Соединенным Штатам показать, что Европа, где Франция вместе с СССР, может без них обойтись». И т.п. М.С. был в ударе. Говорил и о том, что у него особенно болит: экономика и Союз. Не исключает завала ее и развала его. Издевался над Ельциным. Уже не анализирует, как бывало с иностранцами, его поведение, а ждет, что будет, и готов ко всему.

---

[5] *Группа, созданная Горбачевым по согласованию с Ельциным, по подготовке рыночной программы (Шаталин, Петраков, Явлинский и др.)*

Между прочим, в Крыму недавно сказал мне: «Работать не хочется. Ничего не хочется делать, и только порядочность заставляет». Прямо какая-то Борис-Годуновская судьба. И каждый день что-то подкидывает: то табачные бунты, то бои на армяно-азербайджанском фронте, то взрыв на спиртозаводе в Уфе и фенол в водоснабжении миллионного города, то ельцинские штучки с раздачей свободы всем краям и республикам России. Сказал французу, что скоро встретится с Ельциным, наверное, во вторник, и постарается унять его популистский стиль: мол, не на митинге ты давно уже при государственной ответственности...

Народ (толпа) Горбачева просто ненавидит. Он это чувствует. Говорил мне, что «все эти» (т.е. Ельцин и компания) сознательно усугубляют дестабилизацию, пользуясь этой ненавистью и раздражением людей, чтобы взять власть. А свою задачу он видит в том, чтобы не позволить «взять», ибо страну тогда столкнут в хаос и диктатуру. Среда уже созрела для этого.

Рыжков не хочет съезжать из Кремля. И думаю, пока он при должности, Совмин там останется.

Сцена в аэропорту. Встречали М.С. из Крыма: члены Президентского совета (пока этот орган никакой государственной властью не располагает, скорее - это группа консультантов и соратников), кое - кто из Политбюро (Дзасохов). До побледнения Рыжков сцепился с авторами программы «Группа 13». Горбачев разнимал. А когда после отъезда Горбачева Рыжков подошел к нам (помощникам) прощаться, то сказал Петракову, дрожа от ненависти: «Ну, ты у меня войдешь в историю!». Лукьянов, стоявший тут же, добавил: « Если будете так вести дело, то Верховный Совет в сентябре скинет правительство, а в ноябре будет распущен Съезд народных депутатов и сам Верховный Совет. Будут назначены новые выборы и не позднее декабря скинут президента... и вас».

27 августа 90 г.

Сегодня был Магид – министр иностранных дел Египта. М.С. включает «советско-египетский фактор» с нюансом, акцент на арабов.

Хорошо, что во время восстанавливает отношения с Египтом, фактически отдает им предпочтение в арабском мире, несмотря на претензии Асада.

В общем-то мы пока там «в белом жабо». И сохраняем новое мышление. Но если Хусейн не отступит, будет кошмар.

Горбачев и Буш сделали подписи на бейсбольном мяче, в знак особой интимности.

Отовсюду телеграммы Горбачеву: преступность берет за горло в самых страшных формах – убийства, разбой, грабеж, изнасилование малолетних, склады оружия. С мест требуют вооружать граждан. Вопль по поводу беспомощности властей и президента. Преступность приплюсовывается к пустым полкам, к отсутствию табака (уже замечены табачные бунты), экономическому и национальному разброду. Среда для диктатуры готовая. Откуда придет? Горбачев сам не способен. Что – отдать власть какому-нибудь чрезвычайному комитету?

И какой симптом краха коммунизма – в Софии сожгли дом ЦК и три часа не давали приблизиться пожарным. Рейхстаг 1933 года наоборот! Но с тем же потенциальным исходом.

Спасет на этот раз Европу объединенная Германия. Но нас кто спасет? Уйдет Горбачев и все от нас отгородятся.

28 августа 90 г.

Кажется, виделся Горбачев с Ельциным. Принимал венгра Тюрнера. Теперь он лидер партии, которая пришла взамен ВСРП. А лет 12 назад, мальчишкой, он сопровождал меня

по Будапешту, чемодан носил, помню я ему руку дверцей машины отдавил. Говорил он об «империалистах», которые давят коммунистов Восточной Европы.

Зашел Шахназаров. Предложил, чтобы Горбачев написал письмо Бушу и Тэтчер и призвал их не науськивать неофашистов на коммунистов в Восточной Европе. Я поиздевался над этой идеей.

Вообще говоря, Остроумов, помощник Горбачева по делам КПСС, от сверхподозрительности, а Шахназаров из страха за общественное имущество (армянский характер) взывают не благодушничать и с нашими фашистами, которые тоже могут сжигать здания, в том числе ЦК. А мне смешно и не верится, и не боюсь, хотя что-то явно надвигается.

М.С. не видит, а может не хочет реагировать. Думаю: без потрясения Россия не возобновится, тем более после такого распада и разложения. Но какова повсюду ненависть к коммунизму!

1 сентября 90 г.

Два дня заседал президентский совет. М.С. после этого дал пресс-конференцию и довольно уверенно разглагольствовал в духе «давайте жить дружно». На самом деле был скандал. Рефреном заседания шло требование отставки Рыжкова. В ответ Рыжков сказал, что день подумает и тут же разразился: уходить – так всем уходить, оглянулся на М.С. – все разваливали, все довели до крови, до экономического хаоса, все добивались того, что имеем… Почему я должен быть козлом отпущения?!

Ельцин сегодня на пресс-конференции был милостив к Горбачеву, но заявил: Рыжков должен уйти сам, а если не уйдет, мы его уйдем. Очень хвалил программу Шаталина и обещал положить ее в основу российской реформы.

Программа (я ее изучил) - это даже не европейский Общий рынок, а скорее ЭАСТ. От Союза мало что остается. Но, видимо, теперь другого пути сохранить такую видимость, как «СССР», нет. Впрочем, Ельцин предложил в качестве верховной власти образовать «Совет президентов», в котором не должно быть ни больших, ни малых.

Злоба и ненависть к Горбачеву в очередях. Сегодня в «Правде» подборка писем трудящихся, из которых брызжет слюна на перестройку и на Горбачева. Рядом похвала Сталину и Брежневу. Да, начинается путь на Голгофу.

Ельцин получил кредит по крайней мере на два года, а у Горбачева кредит с каждым днем приближается к нулевой отметке. Ельцин паразитирует на идеях и заявлениях, на непоследовательности Горбачева. Все, что сейчас он провозглашает, все это говорил М.С. на соответствующих этапах пяти лет перестройки. Но не решался двигать, держала его за фалды идеология. Он и до сих пор от нее не освободился.

В Крыму в этом году опять начал с того, что задумал статью, в которой хотел оправдываться, доказывая, что он за социализм. И одновременно патронировал «Группу 13» Шаталина, Петракова и др., где и слов-то таких нет: социализм, социалистический выбор, идеология и проч.

Может быть он и на президентском совете пытался мирить: зачем же, мол, гнать Рыжкова. Если кто не справляется, его можно сменить. Но зачем такие резкости – отставка правительства. Хотя в Крыму еще оговорил, что Рыжков безнадежен.

Он, наконец, раскидал всех, с кем начинал перестройку, кроме Яковлева и Медведева. Все оказались за бортом и все стали его яростными врагами, за которыми определенные группы и слои. Но растянул этот «процесс» на 3 года. А надо было делать эту революцию так, как полагается делать революции.

2 сентября 90 г.

М.С. просил проработать (к встрече с Бушем) три варианта исхода в Персидском заливе:

- блокада (сколько Хусейн выдержит, даст ли результат);
- военное решение: последствия для тех, других и для нас;
- компромисс, какой?

Просил запросить Миттерана и Мубарака – что «посоветуют»?

Направить послание Хусейну: что нового он может сказать в связи со встречей Буш-Горбачев?

Ковалев (в отсутствии Шеварднадзе, который в Китае, Японии) «согласовывает» со мной каждую строчку, в том числе, кто будет на завтраке в Хельсинки: вот уж не моя «профессия»!

Что-то будет с Рыжковым? Что с экономической программой? Что с Союзом? Думаю, что к новому году мы страны иметь не будем. Будем ли иметь Горбачева? Наверное, да.

4 сентября 90 г.

Как бешенный готовил для М.С. встречу с американскими сенаторами, с Азизом (от Хусейна) и по крупному «пять блоков» для Хельсинки с Бушем. Приемлемый блок - от Брутенца. Дешевка и чиновничьи тексты - из МИД'а.

«Известия» печатают программу Шаталина. Российский парламент начинает ее принимать. И одновременно съезд российской компартии (второй этап) называет все это антисоветчиной, предательством социализма и сдачей страны капитализму. И это на фоне «последнего дефицита» (за которым в России может быть только бунт) - дефицита хлеба. Тысячные очереди у тех булочных, где он есть. Что-то невероятное случилось с Россией. Может и впрямь мы на пороге кровавой катастрофы?

Горбачев, кажется, растерян. Власть на глазах уползает из рук. А он целыми днями совещается с разными представителями по экономической платформе и по союзному договору, вместо того чтобы ждать, когда это сделают парламенты. И присутствует по полдня на съезде Компартии РСФСР. Чего он от этих-то ждет? Совсем кажется потерялся и не знает, что и куда. Не видит, что делать. Такой вопрос он вчера сам задал Шахназарову.

13 сентября 90 г.

Вечером 9 сентября улетели с М.С. в Хельсинки. Разговор с Койвисто в Президентском дворце. Обед двух президентских пар и мы с Калела – начальником канцелярии Койвисто.

М.С. разоткровенничался, как с закадычным (советским) другом. О рынке, о душе, о судьбе деятеля, о том, «что дело уже сделано» и можно уходить. Словом, совсем не государственная обстановка.

В ночь М.С. собрал соратников для «мозговой атаки» перед встречей с Бушем. Сидели до трех ночи. Шеварднадзе отмалчивался. Примаков корректировал с учетом арабов. Фалин гнул «классовую линию», ссылаясь на конференцию «левых» Европы в Тампере. Я звал к «реальполитик» – Америку надо предпочесть арабским мотивам. Тут - наше спасение и наше будущее. М.С., к моему удивлению, на встрече с Бушем взял мое направление на 95 %, а пять оставил на арабов. И это срабатывает, потому что американцы де до конца нам доверяют.

Почти до утра я на основании этой дискуссии делал схему беседы. Под утро шли в гостиницу из посольства под возгласы подгулявших финских парочек: «Здравствуй!»… (И

вообще – это целая тема – доброжелательных, довольных, спокойных, сытых, уверенных в себе людей).

10-го с утра М.С. – Буш + Скоукрофт и я. М.С. доминировал. Буш очень хотел поддержки, очень волновался, боялся, что у него с Горбачевым сорвется, ведь Персидский залив-Хусейн поставил на кон судьбу его президентства. Но М.С. дал ему максимум: даже неожиданно, без подачи от Буша заявил, что Сабахов (правители Кувейта) надо вернуть. Почти убедил в необходимости увязать обуздание Хусейна с палестинским вопросом.

Потом был обед. Потом встреча делегаций, на которую я опоздал, потому что сочинял backgraund для пресс-конференции.

Сама пресс-конференция – событие! М.С. был уверен и хорош. Словом, показал всему миру, что он - лидер державы, великой державы, несмотря на царящий в стране развал. И весь мир опять поверил в него.

А нашему народу, как с гуся вода. И это не оценили. И не заметили, что в Хельсинки делалась история.

14 сентября 90 г.

Вчера у Горбачева были 22 американских бизнесмена. М.С. очаровал их, но они люди деловые и упорно устами Метлока добивались: с кем у вас вести дела? Вот ведь в чем главная проблема советского бизнеса.

Оборвав разговор посередине, Горбачев, Шеварднадзе, Бейкер, я и Росс ушли в соседнюю комнату. Бейкер, как бы продолжая восторги своих бизнесменов, говорил Горбачеву в лицо: он за всю свою политическую жизнь не встречал более мужественного и смелого, более великого деятеля, который решился повернуть страну, опрокинув 70 лет ее истории. До прошлого года, - продолжал Бейкер, - я колебался и осторожничал. Но теперь и я, и Буш целиком за вас. Мы искренне желаем вам успеха.

Разговор шел, что называется, в обнимку. М.С. называл его Джим, однако транспортных самолетов, чтобы перебросить сирийские войска в Саудовскую Аравию не обещал (а потом, когда Шеварднадзе пристал к нему с этим, ответствовал: не надо нам впутываться!).

Сам просил у Бейкера один-полтора миллиарда несвязного кредита, с оплатой через пять лет. Бейкер согласен, но, говорит, закон не позволяет. Если пойти с этим в Конгресс, то вы две перестройки успеете завершить.

Между прочим, в связи с такой близостью между Горбачевым и госсекретарем, я вспомнил Хельсинки. Окончилась беседа с Бушем один на один. Буш что-то мнется… Протягивает руку: «До обеда! Скоро увидимся!» И вдруг: «А можно мне называть вас по имени?» (т.е. на «ты») М.С. радостно откликнулся и тут же назвал его Джоржем. С этого момента М.С. стал Майклом.

А между тем, мы и они сохраняем оружие, способное десять раз уничтожить друг друга. И, как выяснилось, на переговорах в Вене по СНВ «дела очень плохи» (это оценка Бейкера и Шеварднадзе, которую они дали вчера в разговоре с М.С.). Значит под угрозой договоренность Майкла и Джоржа в Хельсинки выдать соглашение уже в этом году.

Говорю сегодня об этом Ахромееву. Он мне: не можем мы, американцы отказываются вести переговоры по морской авиации. Вот тебе и Майкл с Джоржем! А ведь еще и товарищ Моисеев (начальник генерального штаба), который почище Ахромеева.

Сегодня Горбачев встречался с Хэрдом (growth мининдел Великобритании). Перед этим я вооружил его информацией Замятина (посол в Лондоне). Тот пишет, что Тэтчер в обиде, ревнует, Горбачев, мол, охладел к ней. Все с Колем, да с Миттераном, а я - де заслужила лучшего к себе отношения. М.С. постарался «компенсироваться» – в разговоре с Хэрдом растекался в похвалах Маргарэт и даже предложил договор заключить по аналогии с германским и французским. Вечером Горбачев встречался с двумя израильскими министрами (финансов и энергетики).

Рассчитываем получить 10 млрд… Ну, ну! Как бы то ни было, такая встреча – сенсация, с многоэтажными последствиями. Особенно, в контексте персидской войны.

Между прочим, Горбачев предупредил вчера Бейкера, что будет встречаться с израильтянами. Тот, хохоча и грозя пальцем, воскликнул: только денег у них не просите! Вон Рейган как влип (дело в том, что Рейган при посредничестве Израиля попросил денег у Ирана, чтобы переправить их никарагуанским контрас). Потом, когда уезжали из Кремля и Горбачев посадил меня к себе в машину, я ему вякнул: «Тогда зачем вообще они нужны, эти министры?!» Засмеялся. Но я постарался внедрить экономиста (!) Петракова на эту встречу с израильтянами. Он и Яковлев присутствовали.

15 сентября 90 г.

Был у М.С. министр иностранных дел Италии де Микелис, который от имени Андреотти сообщил о присуждении Горбачеву премии Фонда Фьюиджи (итальянцы ее приравнивают к Нобелевской). После того как ушли итальянцы и вместе с ними Шеварднадзе и Адамишин, Горбачев мне говорит: «Толя, что делать, за что хвататься?" В самом деле: вчера в Верховном Совете был конкурс программ Абалкина, Аганбегяна, Шаталина. Каждый отстаивал свою. А у народа челюсть отвисает. Рыжков гнет свою. Моя, мол, программа реалистическая, щадящая. Что, референдум что ли устраивать по программам? Глупо. Республики, куда посланы эти альтернативные варианты, могут выбрать одна - одну, другая - другую. А Россия уже вышла на рынок и вообще делает, что хочет. Рыжков обещал поднять закупочные цены на мясо с 1 января. Это просочилось, и мясо исчезло совсем. Тогда Силаев заявил, что в России цены будут подняты с 15 сентября. А что стоит постановление Рыжкова без России?!

Политбюро вчера в панике обсудило, что делать с полумиллионной демонстрацией, которая на 15 сентября назначена в Москве и в других городах под лозунгом: «Долой Рыжкова», а кое-где - и Горбачева.

На этой неделе замучился: пишу материалы для каждодневных бесед Горбачева с иностранцами, потом записываю то, что они говорят во время встреч, потом пишу сообщения для ТАСС и газет. Фантазия уже истощилась совсем, слов не хватает, чтоб убегать от банальности, правда, выручает Горбачев – всегда у него находится какой-нибудь необычный поворот мысли, или какая-нибудь «эдакая» фразочка.

У всех он теперь выпрашивает деньги, кредиты. Вот и сегодня у Мекелиса просил полтора миллиарда.

16 сентября 90 г.

Читаю непрочитанное за неделю. В «Литературной газете» Виктор Некрасов, статья – завещание. Написана она в 1981 году. О трагедии поколения, о нас, об истории, о своей знаменитой книге («В окопах Сталинграда») и завершает статью словами: «Враг был разбит! Победа была за нами! Но дело наше оказалось неправое».

Статья Петренко о болезни Ленина: через болезнь и близость смерти - переосмысление сделанного. И желание отойти в сторону. Реальность не поддалась теории и он (Ленин!) стал искать оправдания в льстивых и восторженных массовых восхвалениях его гения.

Статья Соколова о ситуации в стране: никакие варианты реформ, составленные лучшими мировыми умами, с помощью самых мощных компьютеров у нас не пойдут. Ибо нет стабильности, законности, преемственности решений, нет безопасности, граждане не защищены… Ибо идет развал государства.

Вот три «точки» – три статьи, по которым можно определить и мою личную драму – безысходность.

18 сентября 90 г.

На Верховном Совете Аганбегян, Шаталин, Абалкин продолжают сражаться. Первые два заявляют: выбор не между социализмом и капитализмом, а между жизнью и могилой. Абалкин доказывает правоту Рыжкова, хочет спасти его (и себя) с помощью популизма. Съезд народных депутатов дает все больше пищи для таких, как Сухов (шофер из Донбасса) обвинять Горбачева в предательстве партии и социализма.

М.С. вчера спросил, хожу ли на заседание Верховного Совета. Я сказал: «Нет».

- Что - из принципа?
- Нет времени.
- Понятно.

Он хотел узнать мое мнение о своей вчерашней речи на ВС. Она хороша, говорил мне Петраков,… если бы все у него не подвёрствывалось бы, не притягивалось бы за уши к социалистической идее.

20 сентября 90 г.

Сегодня весь день готовил материалы для завтрашней встречи М.С. с Лафонтеном. Несколько месяцев, особенно в последнее время я сопротивлялся тому, чтоб он его принимал. Не нужна нам эта двойная игра. Даже, если он (при поддержке Геншера) станет канцлером, он вынужден будет (какая бы обида на нас в нем ни затаилась) делать то же, что делает Коль – объединение Германии.

Но лобизм Фалина и К^{o}, социал-демократических друзей М.С., к которым подключился даже Квицинский, взял верх: Лафонтена М.С. примет. И вот я выламывал мозги, чтоб не попортить «пиршество» с Колем на самом ответственном этапе выхода к единой Германии.

А еще придется «адаптировать» и прессе результаты беседы: М.С. ведь может наоткровенничать.

Солженицын: брошюра в «Комсомольской правде» и в «Литературной газете». Разговор Игнатенко с М.С. о Солженицыне: в истории останутся он… да ВЫ. Ленин уйдет, а вот вы оба там будете. Зачем мелочиться?!

22 сентября 90 г.

Всё все больше и совсем запутывается. Рыночную программу Верховный Совет не принял. Опять учреждена сводная группа Абалкин-Шаталин-Аганбегян. Будут разные варианты. Горбачев потребовал чрезвычайных полномочий, чтобы вводить рынок. Верховный Совет РСФСР ощетинился постановлением: без его ратификации никакие указы президента СССР в России не действительны.

Травкин потом рассказывал, какие обвинения бросали Горбачеву российские депутаты: он уничтожил КПСС, разложил Союз, потерял Восточную Европу, ликвидировал марксизм-ленинизм и пролетарский интернационализм, нанес удар по армии, опустошил полки, развел преступность и т.д. Между прочим, в своей речи в Верховном Совете, который предшествовал дискуссии о рыночных программах, Горбачев опять допустил грубый «faux pas» - опять заговорил о федерации вместо Союза государств. Кстати, кто это ему навязывает, будто эпоха суверенитетов прошла.

В перерыве М.С. разговаривал с Лафонтеном. Вечером Айтматов ему навязывает беседу с муфтием плюс несколько зарубежных мулл - о роли ислама. Это становится смешным: разрыв в его положении во вне и внутри.

Все СМИ только и вещают об автомобильной катастрофе, в которой Ельцин получил мелкий ушиб. В «Союзе» еженедельные его интервью: он, действительно,

вырастает в деятеля. По определенности и устремленности к власти, по нахальству он далеко обошел М.С., не говоря уж о популярности.

Дни, дни, недели. Все острее ожидание, когда же все обрушится. Жизнь в службе каждый день напоминает, что произошла смена строя, и я, как и мне подобные в положении, в котором оказались бывшие после 1917 года. Все, что я имел или заработал, все это - от прежнего строя. Это вознаграждение за службу ему. И теперь я уже не могу козырять: я всю жизнь работал! Спрашивать? Но с кого? Ответят: вот с того и спрашивай, кому служил. Вообще-то - справедливо.

23 сентября 90 г.

Взял с полки Ходасевича – стихи! «Хранилище» и проч. до печенок достает сразу… Странно: только под старость я стал чувствовать по-настоящему поэзию, отличать ее язык от просто «способа выражения».

Грядет революция. Та самая, которую вызвал Горбачев. Но он не ожидал такого и долго не хотел называть это сменой власти, тем более сменой строя. Да и сейчас продолжает говорить лишь о смене экономической системы. Нет, то, что происходит, действительно равно 1917 году, пусть «наоборот».

25 сентября 90 г.

Вчера был, употребляя горбачевский термин, день прорыва. М.С. несколько раз яростно выступал в Верховном Совете о рыночной программе и требовал особых полномочий для ее осуществления. Но решение опять отложено и опять образована комиссия во главе с ним, и опять она сочетает несовместимое. И это все видят, но уступают его неистребимой тактике компромисса.

Вчера же в «Известиях» была статья Павловой-Сельванской – умнейшей и злой аристократки. Она дала точный анализ горбачевской «стратегии и тактике», которая и привела к тому, что мы имеем. Поразительный анализ и личностный, и экономический, и системный, и глубоко последовательный.

А все катится тем временем под откос, гибнет урожай, рвутся связи, прекращаются поставки, ничего нет в магазинах, останавливаются заводы, бастуют транспортники.

Между прочим, по телевизору объявление: на какую-то захудалую рабочую должностишку ставка от 300 до тысячи рублей! Рынка нет, а цены уже рвутся вверх.

27 сентября 90 г.

Одиннадцатый час, а я еще дома. Так что и здесь «дисциплина захромала». Раньше никогда бы себе не позволил…

Сегодня надо заготовить телеграмму М.С. для Вайцеккера по случаю объединения Германии, подобрать кое-что для завтрашней его встречи с «Дженерал электрик». Определиться с графиком на октябрь-ноябрь: к Миттерану, на ПКК (похороны ОВД) в Будапеште, в Испанию, к Колю на его малую родину и с большим советско-германским Договором, к Андриотти с Договором и за «Фьюджи», на общеевропейский саммит и т.д.

Он все откладывает решение – уже и Шеварднадзе стучится … (Кстати, в ООН Э.А. произнес очень «продвинутую» речь, которая означает, что мы окончательно порвали с идеологической внешней политикой. «Там» она произвела впечатление, а здесь мне пришлось давить на Ефимова (редактор «Известий»), чтоб опубликовали полностью).

М.С. вчера звонит: вот, говорят, что Горбачев после Хельсинки ничего к Персидскому кризису не сделал…

- Кто говорит?
- Американцы…

- Как же так? Вы чуть ли не каждый день встречаетесь с разными иностранными деятелями и утверждаете свой подход – «хельсинский»… А потом: речь Шеварднадзе – это же Ваша политика продемонстрирована. Разве кому в голову придет, что это он сам «себе позволяет».

М.С. успокоился. Но откуда он взял? Кто подкидывает? Я такой информации не видел. Но у него, видимо, какой-то особый источник есть.

Вчера с Андреем Грачевым начали подбирать кадры в международный отдел при президентском совете. Кое-кто - из Международного отдела ЦК, но в основном свежие, заявившие о себе в «непартийных» газетах.

Бовин все просится: Граф, давай посидим, потрепимся по душам. Я все обещаю, но не выходит и пить не хочется. А главное – неинтересно мне уже. Ничего из того, что бы я не знал из газет, от него я не получу. Теперь душеотведение на кухнях, чем славился застойный период, уже как-то не привлекает.

Фролов - 10 дней с женой и двумя помощниками по Франции на машинах (праздник «Юманите»), две недели – в Италии (на празднике «Униты»). А 2 октября партсобрание в «Правде» с повесткой дня: о выражении недоверия к руководству. Я был бы очень рад, если б его приложили именно тогда, когда он «достиг» высшей своей точки. Кулацкая натура. И чтоб М.С. увидел, кого он пригрел и вознес!

29 сентября 90 г.

Вечером на работе доделал приветствие М.С. Вайцеккеру и Колю по случаю объединения Германии. Потом М.С. встречался с интеллигенцией. Я поглощал телеграммы. Написал ему предложение – что-то надо делать с нашими специалистами, работающими в Ираке. Мы опять, в отличие от американцев и прочих, не заботимся о судьбах своих людей, а они уже начинают бунтовать. Не убрали их сразу и теперь они оказались в ловушке. Хусейн уже включает их в «Живой щит». Писал записку по поводу предложения Лафонтена и Бара – обучать наших увольняемых офицеров гражданским профессиям.

Гусенков, Арбатов звонили по поводу «угрозы» военного переворота и гражданской войны. Друзья, этого не будет! Будет хуже.

2 октября 90 г.

Верховный Совет действительно пора разгонять. Сегодня там обсуждали вопрос об отмене Договора о дружбе с ГДР. Казалось бы, рутинно-формальный акт. Немцы отменили этот договор решением правительства. Ведь исчез сам субъект договора. А наши дообсуждались до того, что потребовали от Коля стать воспреемником договора, в котором, между прочим, записано о нерушимости границ между двумя Германиями, о борьбе против западногерманского империализма и т.п.! И ведь не приняли решения. Завтра будут продолжать.

Я посоветовал Ковалеву (Шеварднадзе сейчас в Нью-Йорке) рассказать об этом М.С., который отреагировал: Да пошлите их всех на...! Но здесь действует ведь не только глупость. Это сознательная провокация против горбачевской германской политики со стороны тех, кто, как и генерал Макашов и т.п., считают, что Восточную Европу отдали «без боя» и т.п., против всего «этого» так называемого «нового мышления». Не очень таят при себе, что и Сталина не худо было бы вернуть, чтобы расправиться со всей «этой нашей» политикой. И таким вот деятелям подыгрывают и Фалин, и ЦК, и «мой» Международный отдел, который отчаянно борется за самосохранение.

Был у меня Блех, посол Германии. Распинался в благодарностях Горбачеву. Оставил послание Коля. М.С. не захотел его публиковать у нас. (Я настоял на обзоре в «Известиях») – обкомовский страх перед «народом» – не заигрывать с немцами…

Тем не менее М.С. дал согласие на мое предложение опубликовать приветствие Вайцеккеру и Колю. Сегодня оно уже произнесено по TV во «Времени».

Вчера заглянул, спустя десятки лет, в дневник конца войны и 1945 года – до демобилизации. Поразился – как умно и литературно я писал, какую образованность выказывал. Местами даже казалось - не я это! Ведь за плечами всего лишь три курса истфака и война…

6 октября 90 г.

Вчера после встречи с МОТ – (Хансенном) М.С. оставил меня, чтоб поработать над его выступлением на Пленуме ЦК. Приехал Шахназаров и опять переписывали. Просидели до 9 вечера. Как всегда часто отвлекались… Ругал «Известия» – что поддерживает все антигорбачевское. Я возражал.

Позвонил ему Фролов, жаловался на разгром, который ему учинили на партсобрании редакции «Правды»… Я прислушивался к разговору… М.С. говорит ему в трубку: не надо ничего публиковать, разберемся, это дело Секретариата ЦК. Стенограмму мне пошли. Успокаивал, но не очень одобрял.

А когда закончил разговор, подошел к нам.

Я: «Быстро Иван довел дело до бунта на корабле. И знаете, что переполнило чашу? Его путешествие с женой и командой по Франции, Италии. Две недели вместо двух дней за счет казны и «друзей», да еще в такое время у нас в стране!

- Да что там… Эти пьянчужки, которые с Афанасьевым (бывший редактор «Правды») мило гуляли, все взбаламутили… Направлено против меня…
- Это понятно. Иван фразы не скажет, чтоб не сослаться на то, как Вы его любите и во всем поддерживаете.
- Брось, Анатолий. Ты не объективен, я знаю твое отношение к Ивану…
- А как быть объективным?!

Два с лишним года был помощником, нагло и вызывающе ничего не делал. Единственное, что сделал – стал академиком… А что ничего не делал – вот живые свидетели (показываю на Шаха, секретарш), и можно все машбюро привести, как они перепечатывали в который раз издаваемую им книгу двадцатилетней давности «о человеке и о Лысенко»– за казенный счет и на казенной бумаге! А Вы его секретарем ЦК, редактором «Правды», членом ПБ!!

- Ладно, Анатолий! Говорю тебе, что ты не объективен. А необъективность – ни в науку, ни в политику не идет! Вишь, как ты возбудился!

На том и кончился разговор…

Когда речь зашла с Горбачевым об очернительстве на телевидении (в отношении нашей истории), он опять «соскочил» на то, что Сталин ненавидел крестьянство и изничтожал его сознательно. Но на телевидении у нас «все это, мол, вранье, будто раньше в деревнях жилось хорошо, на самом деле – я-то знаю: рвань, нищета, бесперспективность».

Когда М.С. решил ввести в свое выступление надоевшую уже тему, как на Ленина обрушились, когда он вводил НЭП, я ему сказал: «Главное и самое актуальное не то, что обрушились, а то, что не поняли, не приняли, отвергли, потому и такие последствия. Все пошло наперекосяк».

Купил «Так говорил Заратустра» Ницше. И нахлынуло на меня. Ведь я ее в студенчестве читал, до войны, достав у букиниста. И как упивался! Как запомнил впечатление от нее. А теперь – трудно доходит. Наверно, всему свое время и в индивидуальном развитии.

Читаю белогвардейца Романа Гуля «Ледовый поход» – все переворачивается. Вся история наша предстает иной.

Был у меня Наумов – «бригадир» по написанию «Очерков истории КПСС». Подняли такие пласты, что мир перевертывает. Не было у нас истории почти целый век. То,

что мы знали и чему нас учили – сплошная липа и ложь. Это касается и своих – революционеров, большевиков. Это касается и Белой России, касается и всего народа в революции и потом.

Однако, я вспоминая свое детство в Марьиной роще – какие-то материальные трудности – да… после 1929 года… Что-то с колхозами,… как на дачу ездили в голодные годы, как ждали отца на станции - мешочек хлеба привезет. Но в целом-то все радужное… Видимо, материна квази-дворянская инерция спасала от повседневности: рояль, немецкий, французский язык, бонна, особность в среде рощинской голытьбы – «белая кость». Книги, книги. А потом элитная школа.

9 октября 90 г.

Вчера начался Пленум. Во «Времени» сообщение о нем на 20-ом месте: дикторша назвала повестку дня и что выступал Горбачев. И все – знак, что партия действительно сходит со сцены. Гусенков рассказывает, что на Пленуме – сплошное нытье – мол, партию отдали на посрамление, все ее топчут и гонят, издеваются и оттесняют. А защиты ни от кого. И Генсек ее бросил, ему некогда ею заниматься. И вообще – рынок окончательно губит среду, в которой партия что-то могла значить. М.С., якобы, раздражен слабостью докладов Ивашко и Дзасохова, собрал потом ПБ.

Зачем он с этим возится? Первое правило политика – уметь оставлять позади то, что отработано. И я до сих пор не могу разгадать: он этого хотел – низвести партию до такого состояния? Если да, тогда зачем пытаться ее гальванизировать – обновить «эту» партию, не распустив ее, невозможно.

Или это произошло в силу логики, которую он придал перестройке? Т.е. – он не ожидал такого стремительного уничтожения авторитета партии и с нею «марксизма-ленинизма», о котором стало уже неприлично сейчас разговаривать? Но тогда, он должен был бы противиться распаду. А он терпит антигорбачевские статьи в самой «Правде». Хотя, говорят, воскресная «Комсомолка» уже открыла тайну партсобрания в «Правде» – потребовали снятия главного.

Дочитал «Март1917-го» Солженицына. Гениальное сочинение – все предсказал. Думаю, у будущих поколений представление о нашей Великой революции будет формироваться по «Красному колесу» Солженицына, как у многих поколений о войне 1812 года – по «Войне и миру» Л.Н. Толстого.

14 октября 90 г.

Готовил встречу М.С. с Райхманом и К° (еврейско-американский миллионер). С весенней встречи никто ничего не делал – ни Ситарян, ни Малькевич, который 200 гонцов посылал в Канаду «кормиться». И Райхман теперь его на дух не принимает, просил даже не приглашать на встречу с М.С.

Эпизод с «пакетом» Примакова – для Хусейна (после его поездки туда). Шеварднадзе блокирует, ревнует. Поразительный факт. Я написал М.С. записку, он на ней резолюцию (но отрезал обидные для Шеварднадзе абзацы о ревности и пр.). Поручил Э.А. и Примакову срочно подготовить предложение о поездке Примакоава – Рим-Париж-Вашингтон… Но звонил позже Примаков: Шеварднадзе заблокировал предложение - «без меня, я в этом не участвую, американцы войну не начнут».

Между прочим, своей карьерой в политике Примаков во многом обязан Шеварднадзе, именно благодаря ему М.С. предпочел выдвигать его, а не Арбатова.

Вчера прошелся после работы по улицам. Ощущение такое, будто я пережил свое время и просто ничего не понимаю вокруг. Злобная публика, потерявшая всякие критерии порядочной жизни. Редко-редко навстречу попадается нормальный москвич, тем более интеллигентное лицо. Суетностью и преступностью насыщена атмосфера города.

М.С. который уж день заседает в президентском совете и Совете Федерации. Опять руководил обсуждением нового варианта экономической программы. Не знаю, не знаю... От Шаталина он уже отшатнулся. « Жизнь, - сказал он мне, подняла эту красивую программу на воздуси». Теперь он в Верховном Совете будет отстаивать симбиоз или просто рыжковскую, хотя обещал «не делать из них компота».

При переходе от разрушительного этапа перестройки, когда его рейтинг летел вверх, к этапу «созидательному» М.С. совершил стратегическую ошибку (вопреки тому, что сам не раз провозглашал: высвободить, естественную логику развития общества, а не навязывать ему очередную схему). Теперь он пытается играть роль главного конструктора и архитектора нового общества. Но это уже невозможно в принципе, не говоря уже о том, что при всей его одаренности, не компетентен он для такой функции.

Я надеялся, что, став президентом, он воспользуется этим и поднимется «над» повседневным политическим процессом. А он, оказывается, имел лишь в виду получить возможность «руководить процессом». Гибельная нелепость. Хватается за все...: за партию, за парламент, за всякие комиссии, за сборы ученых и везде всем навязывает себя.

Едем, вроде, в Испанию 26-28 октября и во Францию - 28-29 октября.

Тревожно. И кажется все более бессмысленной моя старательная деятельность при Горбачеве...: во внешней политике уже сделано то, что дало перелом. Остальное - обуздать военных, вернее, выдержать, когда уйдет это поколение генералов.

17 октября 90 г.

Сегодня, кстати, роковая дата: 16 октября 1941 года паника в Москве. И именно в этот день, вчера, Ельцин произнес в Верховном Совете РСФСР речь. Это объявление войны Горбачеву. Смысл ее: президент изменил договоренности с Ельциным. Программа рынка, которую он предложил на Верховном Совете СССР, невыполнима. Это предательство России, и теперь ей, России, надо выбирать из трех вариантов:

1. отделяться (свои деньги, своя таможня, своя армия и т.д.),
2. коалиционное союзное правительство пополам: половина от Горбачева, половина от демократов, от России,
3. карточная система, пока не обвалится программа Горбачева. А там в хаосе разберемся, народ выйдет на улицу.

В 10 утра Горбачев собирает президентский совет. Не все даже успели прочитать речь Ельцина. Пошел разговор. А в моей «исторической» памяти - картина заседания Временного правительства в Зимнем Дворце в октябре 1917 года: Смольный диктует, в противном случае штурм.

Лукьянов призывал к жестким мерам. Его поддержал Крючков. Ревенко уклончиво за то же, добавив, между прочим, что Украина уже отвалилась, а после речи Ельцина пойдет цепная реакция и промедление смерти подобно. Академик Осипьян пространно анализировал, почему Ельцин выступил именно сейчас. Только Шеварднадзе выступил против конфронтации и против того, чтобы М.С. выступил по телевидению с разгромом Ельцина. Медведев тоже призывал «продолжать законодательный процесс», не нарываться, не подыгрывать Ельцину, отвечая ему тем же, грубостью и угрозами. Рыжков бушевал: Сколько можно! Правительство - мальчик для битья! Никто меня не слушает. Я, председатель правительства, вызываю какого-нибудь чиновника, - он не является. Распоряжения не выполняются. Страна потеряла управление. Развал идет полным ходом. Все СМИ против нас. Все - в оппозиции. Даже ВЦСПС и партия тоже. А мы ведь сами коммунисты, шумел Николай Иванович, мы же от этой партии! «Известия» и даже «Правда» работают против нас. Надо вернуть нам хотя бы газеты, которые являются органами ЦК. А половину людей из телевидения прогнать.

Распутин выступил в этом же духе. Словом, все в испуге. И смешно, и горько, и постыдно было наблюдать этот высший ареопаг государства. Насколько мелкие люди в

него входят, не в состоянии ни мыслить, ни действовать по-государственному. М.С. сидел и поддавался эмоциям, ярился, соглашался, что именно ему надо выступить сегодня же по телевидению и дать отпор.

Но вот 12 часов. Время, назначенное Горбачевым для встречи с Чейни (министром обороны США). Перешли в другую комнату. И Горбачева как подменили. Опять на коне, опять лидер великой державы, владеющий всей ситуацией, точно знающий, что надо делать, уверенный в успехе. Американцу рта не дал открыть.

Вернулся в комнату, где заседал Президентский совет. Там уже встали, начали расходиться. Ему на ухо что-то шепнул Лукьянов. М.С. обернулся к Шеварднадзе: «Эдуард, переноси некоторые заграничные поездки, а другие отмени вовсе, в том числе в Испанию, Францию»... Я опешил. Такой подарок Ельцину. Такая демонстрация потери власти и самообладания. М.С. пошел к себе через анфиладу. Его догнали и окружили Петраков, Шаталин, Игнатенко и я. Стали убеждать отказаться от выступления на телевидении. Он крыл нас всех подряд. «Я уже решил, этого спускать нельзя. Смолчу, что народ скажет? Это трусость, козырь Ельцину. Этот параноик рвется в президентское кресло, больной. Все окружение науськивает ему. Надо дать хорошо по морде».

Пошел дальше, к себе. Подскочил Игнатенко: «Анатолий Сергеевич, надо все это поломать». Мы вдвоем двинулись вслед за Горбачевым. Я говорю иронически: «Михаил Сергеевич, что - подготовку материалов к Испании остановить?». Он мне: «Зайди?». Игнатенко ринулся за мной. Оба навалились. Я говорю: «Чего испугались? Рыжков до того дошел, что запугивает: мол, дело приблизилось уже к тому, что в лучшем случае нас расстреляют, в худшем - повесят. А мне вот, например, не страшно. Ельцин шантажирует, блефует. Нет у него возможностей осуществить угрозу. Не из кого ему делать российскую армию, таможню и т.п. Вам надо подняться над этой очередной провокацией».

Стоит перед нами, молчит. Снял трубку. Шеварднлдзе не оказалось на месте. Дали Ковалева. Спрашивает: «Ты уже отбой послал в Париж и Мадрид?» «Нет еще», - отвечает Ковалев. «Повремени».

Убедившись, что он не сделает глупости, не откажется поехать в Мадрид, мы с Игнатенко опять завели речь о выступлении на телевидении. В конце концов он позвонил Лукьянову и обязал его это сделать вместо себя.

<u>19 октября 90 г.</u>

Как мы были правы с Игнатенко, что повисли на М.С. и отговорили его давать отпор Ельцину по TV в тот же день.

Пошла сессия Верховного Совета. Аганбегян размеренно и спокойно убеждал всех, что «основные направления» – самое реальное, что сейчас можно сделать и что это невозможно не сделать. Элегантно приложил Ельцина, показав по тексту его речи, что она была написана до получения президентской программы и что Ельцин эту программу не читал, и что с какой бы программой Горбачев ни выступил, Ельцин все равно был бы против. А сегодня Горбачев в своем большом докладе спокойно признавал: так, мол, и так, наделали ошибок и глупостей, но теперь ничего иного, как принимать эту программу сделать нельзя. И сегодня ВС принял его проект. Ельцина он задел чуть-чуть и без паники, которая царила на президентском совете, нагнанная Лукьяновым и Рыжковым. Сработало, возможно, мое восклицание в ходе перепалки на президентском совете: вусмерть напугал всех Ельцин! А мне, например, не страшно. С первого взгляда видно, что блеф.

Между прочим, Болдин мне сказал, что Ельцин вчера дозванивался до Горбачева и, дозвонившись, всячески выкручивался и оправдывался.

Глазунов сделал портрет короля Карлоса. Это, чтоб его взяли в Испанию, причем, настаивал перед М.С., чтоб тот вручил этот портрет королю сам. Я встал стеной… и против того также, чтоб включать в команду Лукьянова. Глазунов стал запугивать меня Раисой. Неужели она еще не прозрела насчет этого подонка.

Раиса Максимовна звонит: почему не реагируем на поток поздравлений с Нобелевской премией. Ответил: реагируем. Я велел МИДу все телематериалы на этот счет отправить в ТАСС Кравченко, чтобы выпустил оценочно-цитатный обзор. Уверен, ничего никто делать не будет.

20 октября 90 г.

Весь день работал над материалами для Испании. М.С. приезжал в ЦК, занимался бумагами. Шеварднадзе сообщил, что Миттеран приглашает Горбачева на обратном пути из Испании остановиться у него на ферме в Пиренеях. М.С. согласен.

Приходили двое из американского посольства, принесли письмо Майклу от Буша. Благодарит за направление Примакова в Багдад, но настаивает на том, чтобы Хусейну «премии не давать и не спасать ему лицо». Примаков по моей подсказке залетел по пути в Лондон, чтобы встретиться с мадам (Тэтчер), «а то все Андреотти, Миттеран, Буш, а она по боку».

М.С., получив письмо от Буша, позвонил: усек – президент США нуждается в Майкле! Я тоже усек…, но дело идет к войне.

Приходил Игнатенко, принес реплику М.С.: мол, разгоню эту шантрапу (Совмин)… И мне он тоже сказал, когда уговаривали не «давать отпор» Ельцину. – «Да что Рыжков! О нем разве речь?! Вчерашний день!» Это в том смысле, что Ельцин, хотя три раза и назвал в своей речи 16-го октября Рыжкова, «метит в президенты», «на его место», на место Горбачева.

Шеварднадзе позвонил: чехи и венгры подготовили такой проект декларации для Будапешта (ПКК ОВД), - что лучше не собираться…, похороны с позором! М.С. согласился перенести их после Парижской встречи в верхах (3-4 ноября), хотя уже объявлено в газетах.

21 октября 90 г.

Вернулся Примаков (Рим-Париж-Вашингтон-Лондон). Звонил вечером: почувствовал кожей, что военный удар неизбежен, дело одной недели, просит помочь ему перед М.С. – поехать теперь в Каир, Эль-Риад и к Хусейну сказать: мы сделали все, не уступишь – пеняй на себя.

М.С. одобрил мои сочинения для Мадрида. Но еще «тосты», мелочи и материалы для переговоров. Я попросил, чтоб Сантра он примет с Гусенковым, а мне можно при этом не быть, а интервью с «Эль-Поис» - с Игнатенко. Согласился.

22 октября 90 г.

Писал тексты для Испании. Уже не хватает 12-томного словаря русского языка в поисках слов, которые не звучали бы банально. Вообще же красоты стиля выглядят нелепо на фоне происходящего в стране. Агентура КГБ доносит из разных концов Советского Союза, что Нобелевская премия для Горбачева оценивается большинством населения негативно. В «Таймсе» статья под заголовком «Превозносимый в мире и проклинаемый у себя дома» и портрет-шарж в виде памятника.

Задерган телефонными звонками – разные люди и ведомства подстраиваются в Испанию. А Болдин просто «рекомендует» все новых своих слуг. Я ему напомнил, что КГБ посылает 150 человек охраны… и никто не хочет пикнуть: обвинят в подрыве безопасности президента. Эта орава на каждом визите бесстыже кормится, позоря все и вся вокруг, делая нас посмешищем!

Страна разваливается. Народный фронт Молдавии уже вынес решение о присоединении к Румынии и переименовании государства в «Румынскую республику

Молдова». Ситуация на грани гражданской войны с гагаузами и приднестровскими русскими.

В Татарии 15 октября объявлено национальным днем памяти погибшим при защите Казани от Ивана Грозного (1552 год)!

В российских областях черт-те что. Съезд «Демократы России» создал массовую оппозицию КПСС и вынес резолюцию: в отставку президента, правительство и Верховный Совет СССР. А мы едем в Испанию, где толпы будут давиться от восторга, чтобы увидеть Горбачева. И будем говорить о советско-испанском факторе в судьбах Европы и Средиземноморья, о Дон Кихоте, о призвании обоих народов быть вместе в «улучшении мира», в то время как одному из этих народов все до лампочки, в том числе - Испания.

М.С. продолжает совещаться с экономистами. «Оттачивает» стиль основных положений экономической программы. А Грушин, политолог и друг Фролова, любимчика горбачевского, вчера по телевидению фактически заявляет: таскать вам не перетаскать, никакая программа не осуществима.

Ю. Афанасьев в «Родине» дает комментарий к заседанию Государственного собрания в августе 1917 – те же проблемы, что и сейчас. Мы были близки с Афанасьевым до перестройки и в начале ее. Он ко мне ходил за поддержкой, сначала - от меня, потом - от М.С. Не я – не быть бы ему ректором Историко-архивного института. Я уговорил тогда Зимянина. М.С. его очень ценил поначалу. Теперь он ему отплачивает тем, что «объективно анализирует» силу и слабость Горбачева, его обреченность.

23 октября 90 г.

Написал две записки Горбачеву.

1. Узнав, что собираются взорвать очередную ядерную бомбу на Новой Земле, в бешенстве писал: что же это такое? Ведь это в такой момент, когда Вы собираетесь в Скандинавию, по соседству с Новой Землей, едете получить Нобелевскую премию мира, когда в Испании будете скоро говорить сладкие слова, когда предстоит Парижская встреча в верхах и там же подписание Общеевропейского договора об обычных вооружениях, - кому этот взрыв сейчас нужен и зачем все эти игры?! И что скажет Верховный Совет РСФСР? - в Казахстане (на Семипалатинском полигоне) нельзя взрывать, а в России можно?! Записку он прочел и не сказал ни слова.

2. Гриневский прислал из Вены шифровку. В тревоге сообщает, что переговоры по обычному оружию срываются, а значит горит и Парижская встреча. Генералы из генштаба дают директивы своим людям в делегации и те вяжут руки Гриневскому. Я разразился в записке: пора выбирать между образом мысли (а может и замыслами) генералов и ближайшими судьбами политики нового мышления, угрозой провала всех усилий добиться поддержки Запада в критический момент перестройки.

Горбачев приложил к записке квиток с поручением Шеварднадзе, Язову и Зайкову за два дня решить все вопросы и дать развязку в Вену. Потом он мне позвонил, говорит: «Я подписал это твое... Подключил Шеварднадзе, который обрадовался». Но записка-то послана также и Язову, а в ней я открытым текстом громлю генералов чуть ли не матерно.

Горбачев долго листал на столе и зачитывал мне, сопровождая комментарием, выдержки из писем и телеграмм по поводу присуждения ему Нобелевской премии. Такого, например, типа: «Господин (!) Генеральный секретарь ЦК КПСС, поздравляю с премией империалистов за то, что Вы завалили СССР, продали Восточную Европу, разгромили Красную Армию, отдали все ресурсы Соединенным Штатам, а средства массовой информации - сионистам. Или: «Господин Нобелевский лауреат, поздравляем Вас за то, что Вы пустили свою страну по миру, что добились премии от мирового империализма и сионизма, за предательство Ленина и Октября, за уничтожение марксизма-ленинизма». Таких писем и телеграмм десятки.

Я задал Горбачеву вопрос: а зачем Крючков все это собирает и кладет Вам на стол? Зачем регулярно подсчитывают и несут Вам опросы по областям и трудовым коллективам с 90-процентным отрицательным отзывом на Нобелевскую премию? Он мне в ответ: «Ты что, думаешь, я об этом не подумал?" И продолжал листать. Я ему говорю: «Михаил Сергеевич, охота Вам тратить нервы и время на это барахло? Пора бы уже «воспарить» в своем президентском положении над этой дремучестью». Отмалчивается.

31 октября 90 г.

Четыре дня в Мадриде и Барселоне. Горбачев «на отдыхе», как выразился депутат Крайко, от домашней атмосферы. Опять он лидер самый-самый из всех современных. Опять искренне визжащие на улице толпы, опять высочайший уровень приема и неподдельное почтение к нему со стороны короля, премьера Гонсалеса, а потом Миттерана. Опять дурманящие философские рассуждения о новой эпохе, о судьбах мира, о совместной ответственности. Опять заявление на самом высочайшем уровне, что перестройка - это не только наше, т.е. не только советское дело. Если она рухнет, будет плохо всем. Ну и т.д.

Опять я в дворцовой заперти. Ни на улицах, ни на приемах – только на переговорах… и скорее писать, сжимая многочасовые беседы в 3-4 страницы газетного текста (теперь уже это и за работу не считается, хотя именно я создал этот стиль, и подписывается «ТАСС», а каждое слово там обдумано со всех сторон, обсосано стилистически и вообще - на вес моих нервных клеток и всего моего университетского образования.

На этот раз он сделал меня членом делегации. Другие помощники и советник Загладин ходили в «сопровождающих». Но – спасибо не сказал.

А уехал он из Испании под грохот взрыва на Новой Земле и переполненные СМИ протестами в Норвегии, Швеции, Финляндии, Исландии, Дании и т.д., а также российского парламента и Верховного Совета СССР. Тем не менее, сегодня читаю подписанный им 30 октября Указ о производстве взрывов в Семипалатинске до 1993 года, а начиная с 1991 года - также до неопределенного срока - на Новой Земле. Это когда Верховный Совет Казахстана принял закон о запрещении раз и навсегда взрывов на его территории, когда Архангельский совет принял такое же постановление в отношении Новой Земли, когда Верховный Совет РСФСР вот-вот примет аналогичный закон, а Верховный Совет СССР собирается сегодня принять постановление о нарушении Правительством СССР порядка проведения ядерных испытаний (в том смысле, что делается это без разрешения Верховного Совета).

Где живет товарищ Горбачев? Или он уже затуркан настолько, что подмахивает что не попадя представляемое ему Болдиным?

Тельчик обрывает телефон: мы, мол, ставим Коля просто в неприличное положение, особенно после визита Горбачева во Францию и Испанию (дело в том, что Горбачев до сих пор не хочет назвать дату встречи с Колем). Что - «боится своего народа»? Лукьянов ему подкидывает: заграничные поездки воспринимаются парламентариями неоднозначно.

Но ведь Колю-то мы обязаны более, чем кому бы то ни было «новым европейским процессом», не говоря уж о том, что он дал фактически 20 миллиардов, а Миттеран только полтора и чуть больше Гонсалес, еще чуть больше Андреотти, Саудовская Аравия – 4 млрд.

И вот такая благодарность…, разозлим немцев, пошлют они нас (теперь ведь войска наши в Германии все равно, что заложники, ими уже никого не запугаешь!) Все держится на немецком честном слове!

По Персидскому заливу. Как Примаков и Миттеран ни крутят, М.С. держится резонно: от американцев нельзя отслаиваться, как бы ни хотелось обойтись без войны. Тогда все полетит. Некоторые обороты речи у Горбачева на пресс-конференции вызвали в Мадриде и Париже суматоху. Мол, не исключает ли он совсем военный путь? Я-то знаю, что не исключает. И сегодня, когда Арбатов позвонил, как ему реагировать на запросы

знакомых ему послов Кувейта, Египта, Саудовской Аравии, я сказал Юрке: «Давай понять, что мы никогда не пожертвуем альянсом с Соединенными Штатами в этом деле».

Париж («рабочая» поездка Горбачева в связи с Персидским заливом). Вечером сразу же в Елисейский дворец. М.С., Миттеран, я, Ведрин. Все потом удалились ужинать с мадамами, а я пошел писать.

После 12-ти часов пошли гулять на Елисейские поля, ходили часа полтора, уже пустынно, хотя и воскресенье.

В 10 утра Миттеран зашел за М.С. и двинулись в Рамбуйе. Дорога – наслаждение. Опять М.С. – Миттран один на один, потом + Рокар, Шеварднадзе и Дюма. Потом подписание Договора о согласии, потом пресс-конференция, потом обед от «Президента Франции». Я оказался рядом с Рокаром – и стал говорить по-французски не только о визите и советско-французском факторе, но о Камю и Сартре. Он увлекся… потом спохватился – все ли я понимаю. Я ответил – на 80 %. Это его удовлетворило и он продолжал дальше. Я не переставал себе удивляться – как быстро во мне восстанавливается язык во французской среде.

3 ноября 90 г.

Полный рабочий день с утра. Вчера М.С., наконец, назвал дату для Германии к Колю и большому Договору – 9-10 ноября. И две речи, не говоря уже о переговорных материалах.

А позавчера позвонил ночью: я, мол, 6-го на торжественном заседании буду выступать (по Октябрю), до Испании просил Яковлева что-то подготовить, он мне сегодня с пафосом зачитывал… Но это все, Толя, философия и мораль… Давай ты… и продиктовал кое-что.

Впрочем, здесь дело в слове. Я, измученный Испанией и Францией, на утро позвал Вебера. Он привел Ермонского и Кувалдина. Изложил – что нужно. Через сутки они принесли… полное наукообразное дерьмо.

Пришлось сегодня сочинять самому. Отправил. Но М.С. весь день занимался с молдаванами, где уже возник новый «Карабах». Есть убитые, но уже среди русских. (Прибалты себе это не позволили, а армяно-азербайджанская резня – совсем другое дело). С нашим братом шутки плохи, особенно если ты хочешь отдать Молдавию Румынии![6]

По TV передали итоги встречи М.С. с молдаванами. Увещевания, и опять, и опять компромиссы, хотя пора уже действовать.

5 ноября 90 г.

Сегодня был я на президентском совете. Абалкин докладывал о мерах по стабилизации.

Вызвала скандал воскресная статья в «Комсомольской правде» Шаталина, Петракова и К^{о} с резким осуждением экономической политики президента и разгромными выпадами против Рыжкова.

Горбачев вслед за Лукьяновым, Маслюковым и Рыжковым крыл авторов и обещал их «прогнать». Весь этот совет производит жалкое впечатление. Рыжков грозил пришествием диктатуры. Лукьянов шантажировал демократами. Шеварднадзе говорил о том, что надо изучить вопрос о порядке сдачи власти.

Я уехал раньше, чтоб вдали от телефонов сочинять речи для Германии.

---

[6] *Ох, как я ошибся насчет реакции русских. Стерпели всё – и позор превращения в «нацменьшинство», и погромы, и неблагодарность. Я тогда еще не осознал, что великая нация исчерпала свой исторический ресурс. (Комментарий 2002 года).*

Мою заготовку для 7 ноября М.С. сегодня передиктовал, взял из нее 40 % - не самое, по моему, сильное, остальное из Яковлева и какого-то третьего текста. Получилось опять длинно, разностильно и полно банальностей, которых сейчас у него все больше.

9 ноября 90 г.

Перед отъездом в Германию. М.С. позвонил домой и я долго с ним разговаривал: у него поправки к завершенным речам о Бонне (особенно ему понравились абзацы о немцах, которые в ГДР и которые первые стали рушить «стены» между нами, вплоть до любовей и браков). А тексты уже были переданы днем в Бонн, пришлось передавать поправки через МИД.

Газеты неистовствуют, издеваясь над Октябрем и Горбачевым. Умная статья в «Комсомолке» моего друга Владлена Логинова об Октябрьской революции. Но это все как об стенку горох.

Видимо, как и тогда, опять у нас будет все «до основания, а затем»? Но я ничего не боюсь. Может быть, сказывается возраст, может быть, характер, может быть, опыт и старое мое свойство (еще от войны) - хладнокровие и замкнутость перед самым опасным.

15 ноября 90 г.

В воскресенье Горбачев должен ехать в Италию. Тоже “большой договор” плюс премия Фьюиджи (в деньгах больше Нобелевской).

А может мы накануне краха? Опять встреча его с Ельциным взвинтила ситуацию до кризиса. Они договорились не предавать огласке, о чем говорили, а Ельцин на другой же день вышел к российскому парламенту и агрессивно, ультимативно, в хамской форме рассказал, что и как было. А Горбачев держал все при себе. Попытки Игнатенко уговорить его выступить по телевидению и «проинформировать общественность и парламент СССР» кончилось ничем. Горбачев, видимо, мыслит еще категориями Политбюро и обкома: если я так считаю, значит, так и должно быть. А теперь вот взъерился и опять кричал среди своих, что больше не потерпит, окончательно «объявляет войну».

Тем временем Верховный Совет, проигнорировав утвержденную им самим повестку дня, потребовал, чтобы президент немедленно выступил с докладом о положении в стране и об итогах его договора с Ельциным. И Горбачев послушно согласился с этим вызовом на ковер, вместо того чтобы дать понять, кто он такой, и вежливо попросить парламент заняться своим делом. А пока же депутаты вопят перед телекамерами “о защите интересов народа” и требуют, чтобы «царь» всё этому народу “дал”.

Весь день Горбачев диктовал свой завтрашний доклад «О положении в стране» (такие тексты в Соединенных Штатах готовятся за полгода!).

Однако, несмотря на мои протесты, сбегал встретиться с лидерами бывших компартий бывших соцстран (у них тут в Москве конференция). А вчера встречался с профсоюзниками из ФКП. Сегодня вот - с Оккетто (генсек Итальянской компартии) беседовал несколько часов. Подозреваю - чтобы показать иностранцам, что все у него идет своим чередом.

Вчера в «Московских новостях» Амбарцумов, Быков, Адамович, Карякин, Афанасьев, Гельман и еще дюжина таких же, кого Горбачев в свое время обласкал, привлек, хвалил, защищал и выдвигал, выступили с обращением к народу и президенту и предложили ему уйти в отставку. Горбачев огорчен был этим больше, чем чем-либо другим в эти дни. Увидел в этом личное предательство.

В стране развал и паника. Во всех газетах предрекают бунты, гражданскую войну, переворот. И почти каждое критическое выступление заканчивается требованием к президенту: «Уходи!», если не можешь даже воспользоваться представленными тебе

полномочиями. Западные газеты начинают публиковать о нем статьи без прежнего восхищения, а скорее с жалостью или с сочувственными насмешками как о неудачнике.

Словом, завтра должно что-то произойти. Но, боюсь, что опять «замотает» Верховный Совет призывами к консолидации, сплочению и т.п. А так как депутаты сами не знают, что делать, то скорее всего поддадутся его уговорам или потребуют жертв - Рыжкова или, может, самого Горбачева. Может, он сам, наконец, заявит - “ухожу”. Пожалуй, правильно бы сделал. Поехал бы себе в Осло, получил бы свою Нобелевскую премию и зажил как частное лицо. Время, которое он возбудил, действительно его обогнало. И то, что он хочет предотвратить своей осторожностью, постепеновщиной, компромиссами, произошло, причем в самом худшем виде, даже с кровью на окраинах и с угрозой настоящего голода. Людей ведь не заставишь искать ему оправданий, потому что даже после страшной катастрофы - сталинской коллективизации - через 5-6 лет (а это как раз время, равное перестройке) «жить стало лучше, жить стало веселей» (Сталин). Я это помню сам. Наблюдал собственными глазами. И люди задают вопрос: почему же этого не произошло теперь, при в 100 раз больших ресурсах. Да. Дальше так, какими мы подошли к 1985 году, жить было нельзя. Правильно, что разрушить прежнюю систему без хаоса невозможно. Но люди не хотят расплачиваться за 70 лет преступной политики. И никогда не поймут, почему, чтобы стать цивилизованной страной в конце XXI века, надо пройти через голод, развал, разгул, преступность и прочие наши прелести.

Между тем, я «делаю свое дело». Пишу красивые тексты для поездок М.С. в Рим и Париж. Ничего получается. Самому нравится! Но зачем? Или c’est la vie?

24 ноября 90 г.

18 ноября в воскресенье М.С. в Италии. Вручение премии Фьюиджи. Вечером прямо в Париж. В этот же день встреча с Бушем. Два часа – о Хусейне. Буш, обращаясь к М.С.: «Майкл, помоги мне!»

М.С. был в своем стиле (насчет «политического решения»), но с явным, заранее заданным себе креном – при любом повороте событий быть рядом с Бушем. Эта протестантская пара (Буш и Бейкер) – надежнее, чем даже Коль…, ибо «остраненнее»… Им очень мало надо – чтоб мы в Совете Безопасности не сорвали им расправу с Хусейном, хотя они рады были бы обойтись без удара (Буш говорил с сожалением о «своих парнях», которых он только что посетил на Рейне и которые тут же были отправлены в Саудовскую пустыню).

Разговор за обедом, где присутствовали Шеварднадзе, Бейкер, Язов, был разговором двух товарищей. М.С. ни минуты не возражал против новой резолюции Совета Безопасности. Но не хотел употреблять слово «военное средство». Буш этого и не предлагал, хотя все газеты писали только об этом, а потом – мол, Бушу не удалось «сломать М.С.!» Вздор – никаких разночтений у них не было.

Сама Парижская встреча. М.С. был, конечно, первой величиной, как бы ни пыжился Миттеран со своими «французскими» речами и редким появлением в зале.

Второй величиной был Коль! А с М.С. он, Коль, держался так, что это мы, мол, с тобой все сделали.

Буш – третья величина. В общем-то он скромен в своем достоинстве, не навязывал себя.

Тэтчер. Сделали с ней то же, что с Черчиллем во время Потсдама. В резиденции М.С. я сидел напротив нее и любовался ею. Красива! Ей нравилось, что я любуюсь. Я был уверен, что она «уходит», хотя после голосования на конференции тори (204 вместо нужных 214) обещала, как вернется в Лондон, «привести все в порядок» - сразу с крылечка своей резиденции перед корреспондентами.

Жил я на Гренелль, рядом с М.С. Был на встречах, записывал, ездил туда-сюда. И ничего не видел, даже по улицам ни разу не прошелся. А 20-го он уже поручил мне писать доклад для Верховного Совета по итогам Парижской встречи.

Потом, когда он собирался в Версаль (вечером 20-го) на раунд, я оказался в его комнате. Надевая галстук, он рассуждал… Я спросил: а как с 8 пунктами, которые Вы произнесли в Верховном Совете перед отъездом? С чем уехали, с тем завтра и приедете?

- Ну, что ты! Я дал задания. Готовят.
- Кто же?
- Лукьянов, Крючков, Ситарян, Кто-то еще…

Я смолчал: все ясно!

А через день по приезде утром он «взошел» в Верховный Совет и опять стал выдавать импровизации (которые диктовал накануне до 12 ночи). И вызвал опять раздражение, девальвировав «испуг», который он нагнал 18–го числа.

Об общеевропейской встрече в Париже я написал в книге «Шесть лет с Горбачевым». Здесь же я хочу извлечь из дневника некоторые детали, которые туда не попали. Парижская встреча, это, конечно, событие. И Горбачев, может быть, в последний раз выглядел там демиургом современной истории. Все это прямо или косвенно признавали. Было видно, что они не хотят, чтобы СССР - таким, каким его вознамерился сделать Горбачев - перестал быть. Это нагоняло на них страх. Но, видно, и сочувствуют. Сочувствовали по-христиански всем нам, чего мы недооценили. Поэтому появился феномен действенной солидарности с нами. Практически - желание помочь нам пережить зиму. Они страшатся и российского бунта, и развала, и всего того, что может сделать перестройку совсем не такой, какой им ее изображает Горбачев.

А во мне тоска. Тоска, потому что я устал «стратегически», изнурен, потому что счет жизни пошел уже, наверное, не на годы, а на месяцы. А я еще не все взял, есть еще с чего брать: книги, картины, улицы, люди. Тоска еще и потому, что я вижу, как хорохорится М.С., но пороху в нем уже нет. Он повторяется не только в словах и манере поведения. Он повторяется как политик, идет по кругу. Он остался почти один. И, тем не менее, держится за все это старье: Рыжков, Ситарян, Маслюков, Болдин. Еще хуже - возится со своим генсекством. Из-за этого держится даже за Полозкова. Несмотря на то, что на недавнем Пленуме ЦК РСФСР этот Полозков полоскал его в открытую: мол, завалил Союз, загубил социализм, отдал Восточную Европу, разрушил армию, растоптал и отдал на съедение партию, и т.д. У него нет людей в те структуры, которые он объявил 18 ноября в своей краткой и выразительной речи в Верховном Совете. И он не решается взять неожиданных людей, тем более из оппозиции. Он не решится порвать со всеми, кто был в номенклатуре. Он их не любит, он не верит им. Но они, хотя и «полозковские», а свои, понятные!

Там, за рубежом, и здесь дома Горбачев - это разные фигуры, - и по тому, как он воспринимается тут и там, и по собственному его самочувствию.

<u>1 декабря 90 г.</u>

Вчера Горбачев собрал в Кремле в Ореховой комнате Яковлева, Примакова, Медведева, Петракова (позже самовольно явился Шаталин). Предложил обсудить концепцию доклада к Съезду народных депутатов (17 декабря). И началось! Вместо того чтобы за 20 минут выработать план и распределить роли, сидели битых 6 часов. М.С. ходил вокруг нас (в Ореховой комнате стол круглый), все вместе формулировали варианты фраз, которые, как правило, сбивались на проговоренное им уже раз десять.

Мы с Примаковым словно сговорились и довольно нахально прерывали его словоизвержения. Это должна быть, говорили мы, краткая президентская речь, типа той, которую вы произнесли 18 ноября, без всяких объяснений, оправданий и аргументов. В ней надо всего лишь обозначить четкую позицию главы государства. Позицию - и только: что

сделано после 18 ноября и что президент намерен делать в ближайшее время. Отобрать туда самое главное. А именно: продовольствие, власть, Союз. Постепенно выруливали на этот подход. Он несколько раз набрасывался на меня.

Попутно он редактировал вместе с присутствующими Указ о рабочем контроле за торговлей. Спорили, невзирая на лица. Это опять - «классовый подход» и мифология прошлого. Пустое дело. Этот Указ, как и предыдущие, никто не будет выполнять. Станет он дополнительным источником коррупции, злоупотреблений, беспредела в ущерб миллионам людей.

Но Горбачев был упрям, осаживал нас. В результате сегодня в передаче «120 минут» Указ уже передан по СМИ. Кое-какие глупости нам все-таки удалось из него тогда убрать.

И вот... Вместо того, чтобы давно создать квалифицированный аппарат, где каждый знал бы (и мог!), что ему делать, М.С. сам занимается главным образом речами и редактированием. За неделю он произнес три или четыре речи.

Я начал, было, уговаривать Горбачева не выступать на российском съезде народных депутатов, куда речь ему давно подготовил Шахназаров. Сопротивлялся его выступлению и Примаков. Оба мы говорили: там все равно примут земельную реформу - второе издание столыпинской, - и президент будет выглядеть жалко, тем более, что реформа-то правильная. Они все равно примут поправки к Конституции, которые закрепят то, что известно из их проекта и что подходит для любой Швеции или Дании. Там от социалистического выбора не осталось ничего, даже слова «Советы» нет. Как Вы там будете выглядеть?

1 декабря, вечер.

Был с утра на работе. Дочитывал шифровки. В 12 собрались у Яковлева в Кремле. Распределили, кому какие разделы делать для доклада Горбачева. Потрепались о том - о сем, в частности, о частной собственности на землю, о которой идет речь сейчас в российском парламенте. Горбачев на днях заявил на встрече с деятелями культуры, что „никогда не согласится». Между прочим, недавно, при обсуждении проспекта доклада Горбачева Петраков показал ему номер «Советской России». Там - о новой партии «Союз», созданной Лукьяновым в противовес регионалке и о том, что эта партия уже тоже потребовала отставки президента. Горбачев отмахнулся. Но Петраков пристал: почему, Михаил Сергеевич, когда Попов или Станкевич, или кто-то еще из их группировки говорит нечто подобное, вас бросает в гнев, а когда это исходит от Лукьянова, вы отмахиваетесь. Горбачев ему в ответ: «Мне не нужны помощники, которые дают одностороннюю информацию». Вмешался Примаков. Пытался изложить, как было на самом деле на заседании «Союза» и что произошло на встрече Лукьянова с региональной группой (Попов, Афанасьев, Яблоков, Мурашов и др.). Горбачев опять обозлился, говорит: «А вот что докладывает об этой встрече сам Лукьянов... Они там поставили условия, - если президент не выполнит их, выступят на Съезде народных депутатов за его отставку. Вот что докладывал мне Лукьянов. Лукьянов докладывает только правду». Удивительно, что Горбачев хочет в это верить. Хотя ему давно уже известно, что Лукьянов организовал для себя специальную службу информации.

Юрий Афанасьев действительно сказал, что и мы, т.е. межрегиональная группа, и «Союз» требуют одного - отставки президента, хотя и с разных позиций. Но М.С. обрушивается за это на «регионалку», но не на «Союз», потому что – «свои», как и Полозков с компанией.

5 декабря 90 г. В Волынском-II.

Вчера произошло событие, достойное упоминания - провальное выступление президента в Верховном Совете. Он просто мямлил, ничего не сказав нового по сравнению

с 8 пунктами, оглашенными 18 ноября... при полном равнодушии и даже пренебрежении в зале. Чтобы успокоить насчет продовольственного положения, что-то сумбурно вычитывал из министерской справки о макаронах, о товарной рыбе на декабрь и март. Мы с Яковлевым и Примаковым оказались в одной комнате, когда шла передача по «Маяку» и пришли в ужас: что, как и зачем он все это говорит?! С такими же и еще худшими впечатлениями приехали с заседания из Кремля Шаталин, Медведев, Игнатенко. Шаталин кричал: «Все были в шоке. Хотя весь этот Верховный Совет говенный... И куда делись русские таланты?» Медведев заметил: «Горбачев слишком перегружен, обозлен, растерян». Яковлев, совсем удрученный, шепотком сказал мне: «Я окончательно убедился, что он исчерпал себя».

19 декабря 90 г.

С 3 по 15 были в Волынском-2. Сочиняли доклад Горбачеву для Съезда народных депутатов. «Прогнали» пять вариантов. Он сам не раз председательствовал... Потом уже без нас в воскресенье перед произнесением вставлял троекратно о «социалистическом выборе» и о «компартии как опоре народа». Заранее пообещал нам, что все равно впишет то, чего мы не хотим. Спорили с ним, а потом плюнули. А что касается частной собственности на землю, то разразился такими словами: «Кто это мог вписать, зная, что я этого никогда не скажу?!». Я поднял руку… Надо было видеть саркастическую улыбку Ельцина, когда Горбачев с трибуны съезда говорил о «неприемлемости» частной собственности.

Пошли предательства. Предал Распутин своим выступлением на пленуме съезда писателей. Предает Фалин своим поведением и выступлениями на международном комитете Верховного Совета (по германскому договору). Попутно там же он отмежевывался от близости с Горбачевым. Предательство этой суки Умалатовой, чеченки, теперь члена ЦК КПСС, которую Горбачев сам лично вписал в «красную сотню», чтобы она попала в народные депутаты. Его выдвиженка, именно она открыла съезд истерикой с трибуны, требуя отставки Горбачева, который «развалил страну и пустил народ по миру». «Работа полозковцев», - заметил по этому поводу М.С. Нам вскоре стало известно, что Лукьянов, председательствовавший на съезде, специально выпустил ее первой, зная, что она предложит.

Во время этого сидения в Волынском Яковлев и Петраков стали академиками. Было много нервов накануне. Однако, с трудом, но прошли оба. По этому случаю в Волынском была устроена пьянка. Яковлев, между прочим, горевал: опять с трибуны Съезда его крыл депутат рабочий – «за развал идеологии».

Рыжков сегодня произнес на Съезде красивую, написанную Абалкиным речь. Вся она по сути была антигорбачевской. А Горбачев за обедом в Волынском поздравил Рыжкова: «Николай, я уходил, когда ты выступал, но слушал по телевизору. Поздравляю. Хорошо выступил». Словом, М.С. в своем стиле.

Впервые по ночам читаю Василия Розанова. Какая прелесть! Какой талант… в простоте невероятной!

21 декабря 90 г.

Вчера Шеварднадзе заявил об отставке. Предупредил о надвигающейся диктатуре. Весь мир только об этом и говорит.

Полезли на трибуну с истерическими заявлениями академик Лихачев, Залыгин, Рой Медведев, Бурлацкий. Визжал Адамович. И все насчет угрозы диктатуры. А такие, как Петрущенко или Алкснис подливали масла в огонь. Петрущенко заявил, между прочим: «мы не хотим власти, но вы сами нас попросите, чтобы мы пришли и взяли ее». Алкснис, кстати, великолепный оратор, трубил с трибуны: «Да, пусть я реакционер, пусть я подонок. Да, я ястреб, когда сдирают шкуру со старика, когда бросают в костер ребенка»...

Когда Шеварднадзе выступал, на лице Горбачева было скорее недоумение, но он дал Э.А. выговориться. Потом… А что потом? Шеварднадзе не вернется, вроде сыграл на сенсацию и заставил себя очень попросить.

Кого взамен? Самое правильное было бы – Яковлева. Такое назначение было бы поступком прежнего Горбачева… Скорее всего он остановится на Примакове. Но лучше всего было бы, если бы – Бессмертных: и фигура нейтральная, и профессионал, и умный, и в сторону американцев был бы жест – все, мол, остается по-прежнему!

В разговоре с Яковлевым, Примаковым, Арбатовым в кулуарах съезда выясняется, что он ни с кем из них не советуется. Все убеждены, что советуется он с Ивашко, Лукьяновым, которые воткрытую заявляют с восторгом о том, что сбили с ног еще одного горбачевского соратника (Шеварднадзе).

Я долго колебался идти ли мне на заседание Международной комиссии Верховного Совета. Боялся сорваться. Пошел… и сорвался. При всех, довольно грубо обвинил Фалина в том, что на предыдущем заседании комиссии по германскому договору, он кинул хороший аргумент «пертрущенкам» свои заявлением – «не продешевили ли?!»

А М.С. тем временем занимается встречами «с рабочими и крестьянами». Апеллирует к ним, заявляя, что у них последнее слово. Однако, думаю, что особенно сейчас, как впрочем и всегда, в политике решает **первое** слово.

На Съезде много «интеллектуального потенциала» - единственное достижение демократии, но мало государственной мудрости, здорового прагматизма. В общем это школа натаскивания ораторов. Все начинают свои речи «образно», красиво.

Конечно, в эти дни решается вопрос – будет ли эта страна или ее не будет? Кажется, что не будет. А люди ходят по улицам, как ни в чем не бывало.

В общем съезд превращается в толпу. Запугивает себя, запугивает народ. Отсюда идет главная наша сейчас опасность. Скорей бы разогнать эту институцию. Она свое дело для демократии сделала. Пора выходить на нормальный парламент из тех, кто доказал, что более или менее хочет и может быть парламентарием.

...Пока М.С. не оторвется от Полозкова и Ивашко, ничего не будет.

<u>23 декабря 90 г.</u>

Фантасмагория какая-то: Горбачев сидит в президиуме Съезда рядом с Ельциным. Улыбаются друг другу. Шушукаются. Слева сидит Лукьянов, который почти без зазрения совести играет против него. В докладе Лукьянова о поправках к Конституции предлагается повязать президента на каждом шагу парламентским контролем.

М.С. ни с кем из нас не разговаривает, не звонит ни помощникам, ни даже своим любимым Яковлеву и Примакову. А бумажки составляет и кадры подбирает ему в новые структуры Лукьянов.

Я написал ему позавчера вечером записку: Шеварднадзе не вернуть, надо думать о других. И предложил в таком порядке – Яковлев, Бессмертных, Примаков, Дзасохов. Каждому дал характеристику – с точки зрения внешнего и внутреннего резонанса на назначение кого-то из них и личную. О Яковлеве вписал: это был бы акт того самого Горбачева, который не отступает от перестройки «несмотря и невзирая».

Вчера Примаков мне сказал, что он тоже предложил Горбачеву Яковлева, но М.С. возразил: во-первых, не пройдет, во-вторых – «он против меня интервью дает». Да, сильно нагадили Горбачеву на Яковлева Крючков, Лукьянов и т.п.

Вечером из машины М.С. позвонил.

- Ну, что у нас?
- Вам виднее, что у нас.
- Хорошо. Что у тебя?

- У меня – обмен телевизионными посланиями с Бушем к Новому году; приветствие арабскому Совещанию по Персидскому заливу; ответ Фиделю; интервью «Асахи» другие мелочи.
- А что у нас с визитом в Японию?

(Я крайне удивлен был этим вопросом: только сейчас об этом и думать!)

- Два месяца назад вы назначили комиссию во главе с Яковлевым по подготовке визита в Японию. Что она наработала, я не знаю, но у меня свое досье.
- Еще что?
- В начале января приезжает мининдел Японии. К кому он приедет?
- Ладно. Пока, - положил трубку.

Обида у меня долго не проходила: значит, он не хочет со мной говорить о главном, что происходит вокруг.

А с другой стороны: что - подавать в отставку вслед за Шеварднадзе? Такого всемирного шума не будет, конечно. Но кое-кто заметит тенденцию, а пресса ее закрепит.

Впрочем, сдерживает не только инерция, но и чувство лояльности. Бросать его в такой момент неприлично.

Вчера в «Огоньке» статья некоего Александра Гениса «Взгляд из тупика» про советскую литературу. На чем она держалась, даже в самые мрачные времена? - задает он вопрос. На том, что есть будущее - коммунизм (даже для тех, кто морщился при этом слове). Или - чистые идеалы революции (даже для тех, кто ее не принял, даже для эмигрантов). Оттепель 50-6О-х годов строилась на том же. А именно - что возвращаемся к истокам и чистым идеям, освобождаемся от скверны сталинизма, чтобы выйти к будущему... И вот явилась перестройка, которая разверзла «ничто». Нет будущего. Рай исчез (да его и не было). Нет рая, и социалистический реализм развалился в одночасье. Нет уже чудесной литературы.

Можно, думаю, спроецировать это рассуждение на все наше общество. Исчез рай и все покатилось. А прежний православный рай, который искусственно сооружается сейчас церковью - это муляж. Он может привлечь только того, кто очень хочет закрыться от реалий. Но для общества... поезд ушел. Я спроецировал все это также на идущий Съезд народных депутатов. Да, да, мы ищем не там. А Горбачев - то ли инстинктивно, то ли сознательно хочет спасти рай своим упрямым повторением приверженности социалистическому выбору. Без этого, как ему кажется, больному обществу нельзя, как американцам - без идеала свободы. Почему, например, они готовы громить Хусейна? Не только из-за нефти. Для них Соединенные Штаты - оплот и символ свободы. Поэтому и Ирак (Хусейн)- это сугубо идеологическая внутренняя проблема американцев.

<u>24 декабря 90 г.</u>

Сегодня в Верховном Совете почти весь день принимали постановление по докладу Горбачева о положении в стране. Удивляюсь я. Дело ли парламента переставлять слова и редактировать хором фразы в проектах резолюции! Горбачев вдруг взъелся, взял слово и косноязычно, шумно начал обвинять Съезд: почему он игнорирует президентские законодательные инициативы - о референдуме по частной собственности на землю и по вопросу о выходе из Союза. Не понимаю, то ли он не прочел проект резолюции или руководствовался предыдущим. Там ведь и то и другое есть. И никто из депутатов съезда и Верховного Совета не указал ему на этот факт, в том числе и председатель редакционной Комиссии Назарбаев. То ли им было неловко или они не допускали, что президент не прочитал проекта и устраивает им выволочку. Сделали вид, что он, видимо, хочет, чтобы по этим вопросам были приняты отдельные резолюции. Я внимательно наблюдал из зала за его лицом. Он явно смутился, когда обнаружил, что его выпад лишен оснований. Но еще один щелчок состоялся - по его вине.

Самое же странное и печальное, что он настаивал на формулировке (по референдуму о выходе из Союза), в котором говорится: «за» ты или «против» сохранения Союза Советских Социалистических Республик, т.е. вместо того, чтобы политично сохранить в вопросе референдума просто слово «Союз» (на это пошли бы, может быть, Грузия, Эстония, Латвия, Молдова), он бросил им вызов. В «социалистическом Союзе» они остаться не захотят.

Или идеологическая шлея опять под хвост попала? Или действительно полозковщина царствует победу над ним? Ничего я не пойму. Толпа (съезд) проголосовала «за», наверное, не поняв неполитичности самой постановки вопроса.

Игнатенко подсказал: надо написать письмо Бушу по поводу отставки Шеварднадзе. В самом деле, где как не здесь проявить интимность, когда весь мир судит-рядит, что случилось. Я сочинил проект письма. Отправил М.С. Потом позвонил ему. Он сразу согласился, чтоб послать такое письмо. Но мой проект очень уж интимный. Примет ли такой?

25 декабря 90 г.

Сегодня Горбачев опять дважды подставился на Съезде народных депутатов. Обсуждалась поправка к Конституции о новых структурах власти. Дошли до контрольной палаты. Мы ему еще в Волынском говорили: непонятно, не пройдет. И вот на Съезде никто ничего не сказал против, ни одного замечания не сделали. А голосование дало ошеломляющее «против». Президент берет слово и путано, невнятно начинает убеждать, что это очень необходимый орган. Долго говорит, сопровождая это своими характерными жестами. Проголосовали еще больше против. Дошли до статьи о Совете Федерации. Суть дела - включать ли в Совет представителей автономных республик. Мнения разошлись. Опять выступает Горбачев и опять мутно убеждает, что не надо включать автономные республики в Совет Федерации. Голосование: из 1890 присутствовавших только 140 проголосовали «за» президента. Он сидел красный, жалкий.

Что происходит? Совсем что ли он перестал ощущать, насколько низко пало его обаяние. Ведь люди думают наоборот, даже когда ему симпатизируют. Что же он так дает себя смазывать? Ведь вроде речь идет о президентской власти, а формируется она в обстановке стремительного падения авторитета самого президента!

Убрали из Конституции пункт о президентском совете. Возразили только 34 голоса. И в тот же момент Яковлев, Примаков, Шаталин, Ярин, Медведев стали никем. Подошел ко мне Примаков. Смеется. Надо, говорит, идти машину из Академии наук заказывать. Из президентского совета уже не подадут. Вспомнил: «Когда меня назначили на Пленуме ЦК кандидатом в члены Политбюро, то при выходе из здания меня уже ждал у подъезда «членовоз» - (ЗИЛ с охранником).

1990 год.

Послесловие.

Этот год стал поистине трагичным и для страны, и для Горбачева.

Стало совершенно ясно, что великая и благородная идея – увести страну из сталинистского тоталитаризма и построить некое новое, действительно народное общество – оказалась невостребованной.

Дарованные с этой целью гласность и свобода развязали разрушительную силу, протестная и хаотическая энергия которой копилась десятилетиями. И она вырвалась наружу, захватив к 1990 году практически все сферы жизни страны.

Вместе с тем оказалось, что нация, истощенная потрясениями XX столетия, уже не обладает творческой энергией для созидания достойного самой себя нового общества. Имперский ресурс, который был источником и импульсом возвышения и развития России, превращения ее в великую державу был уже исчерпан. А другого не было, ибо на протяжении почти пяти веков российская нация – во всех своих характеристиках, положительных и отрицательных, складывалась и набирала жизнеспособность именно как имперская. Поэтому, кстати, и была так податлива и терпима к тоталитарному правлению – будь то самодержавие или большевистская диктатура.

Но, оставаясь европейской, она уже не могла сохранить себя в этом режиме к концу XX столетия – в условиях вступления христианской цивилизации в новую эру.

На долю Горбачева выпало понять это. И он предложил правильный, единственно возможный выход – включить страну в наиболее перспективное русло современного мирового развития, отказаться от «особности», противопоставлявшей ее Западу, который оставался главным очагом этого развития.

Для этого надо было преодолеть тоталитарное прошлое. Как – вот главная миссия «Перестройки». Горбачев попытался реформировать советский, по сути, тоталитарный строй. Но оказалось, что он не поддается реформированию. И в 1990 году это выявилось со всей очевидностью.

Реформировать – значит действовать эволюционно, отказаться от революционно–насильственных методов, которые не только дискредитировали и загубили в конце концов высокие идеи Великой революции 1917 года, но и завели страну в тупик.

Не мог Горбачев прибегнуть к таким методам также и по моральным соображениям, по своему духовному складу. Будь он другим по натуре, таким, как его предшественники и коллеги, он бы вообще и не отважился начать «Перестройку».

Вот тут–то и образовалось трагическое противоречие между целями и средствами. Очистить общество (советское, российское, русское общество!) от сталинского наследия и **навязать** ему новые законы жизни можно было только через революцию, сравнимую по размаху и мощи с Октябрьской.

Однако, чтобы ее совершить, у нации (и у Горбачева как лидера, который для этого должен был располагать соответствующей социально–политической массовой «армией»), не было ни сил, ни возможностей. А путь медленного изживания тоталитаризма с использованием к тому же сложившихся **при нем** кадров, органов, «правил игры», средств и методов привел к развалу государства и в конце концов к исчезновению страны.

1990 год – как заметил читатель – заполнен лихорадочными попытками Горбачева мобилизовать средства – общественные и материальные – для продолжения и закрепления преобразований.

Углубляя главную свою ошибку, он не жалел усилий, чтобы заставить партию служить делу перестройки. И это – несмотря на все срывы, неудачи и разочарования, которые ему преподносили каждый Пленум ЦК, почти каждое заседание Политбюро, каждая встреча с партийными «генералами». Партия в этот год стремительно превращалась в открытого врага преобразований по–горбачевски. И особенно это бросалось в глаза в

верхних ее эшелонах – в Политбюро, в Центральном Комитете, в аппаратах всех уровней, в обкомах.

Перетягивание Горбачевым авторитета высшей власти от Политбюро и ЦК КПСС в светские инстанции начато было с роковым опозданием, как и учреждение президентской системы. Иллюзии относительно «КПСС – авангард перестройки», а потом страх перед отторжением партии, оттеснением ее на обочину политического процесса помешали Горбачеву своевременно создать новый, эффективный центр власти. И он оказался бессилен перед националистическим взрывом и распадом экономической базы государства. Хотя – я убежден – и то и другое было неотвратимо **объективно** при отказе от тоталитарных методов сохранения империи и централизованного государства.

В новых избранных в основном на альтернативной основе парламентских органах «агрессивно–послушное большинство» (по определению Ю. Афанасьева) после Первого Съезда народных депутатов быстро трансформировалось в «агрессивно–болтливое». Властного авторитета ни Съезд, ни Верховный Совет не обрели, да и не имели рычагов влияния на страну. Горбачевская идея возродить Советы, которые приняли бы на себя от райкомов и обкомов управленческие функции КПСС, заглохла в самом начале.

Его попытки наладить взаимодействие исполнительной власти (его самого и Правительства) с законодательной, парламентской ничего не дали. А разгул критиканства дорвавшихся до свободной трибуны «амбициозных представителей народа» дискредитировал государственную власть вообще, провоцируя все большую дестабилизацию во всем обществе.

Горбачев метался в поисках альтернатив, компромиссов, «оптимального» сочетания прежних и новых методов руководства и управления. Были здесь промахи, ошибки, просчеты, запоздания, faux pas, просто нелепости. Но не в них причина начавшегося в этом году разложения общества и государства. Оно было неизбежно по самой природе совершенно уникального в мировой истории перехода общества, закомплексованного и развращенного долгой диктатурой, к свободе, которую демократически и добровольно не организованный народ понял по–русски – как «все позволено». Для него искони свобода – это воля, сродни анархии.

Началось хаотическое движение без всяких действенных правил. **Процесс распада** Советской державы начался, **он стал неудержимым и необратимым именно в этом, 1990 году.**

С исторической точки зрения, бессмысленно заниматься поиском персонально виновных, чем, увы! до сих пор занимаются наши (и, правда, меньше заграничные) демагоги и дилетанты, обрушивая главную (а то и единственную) вину на Горбачева.

Горбачев не случайно в том году начал думать (и говорить об этом в своем кругу) об уходе. Он чувствовал, что отведенная ему Богом и историей миссия выполнена. А преподнести в одночасье 240–миллионному народу, состоящему из более чем сотни национальностей, земной рай взамен советских порядков не в состоянии никто.

Но от него ждали и хотели только этого. Не меньше. И только в этом случае признали бы Горбачева великим политиком и «спасителем Отечества». Пустые полки стали проклятьем Горбачева и одновременно символом исторически ограниченных возможностей «Перестройки».

Со свободой советский народ не справился и… сошел с исторической сцены. Правители России, узурпировавшие власть, имели дело уже не с народом, не с великой нацией, а с разношерстным населением.

И, видимо, такая именно судьба была предопределена моей стране к началу третьего тысячелетия своего пребывания в этом мире.

Вместе с тем именно в 1990 году мир стал свидетелем выдающихся результатов внешней политики Горбачева. Именно тогда стал очевиден перелом в истории XX столетия – от гибельной конфронтации к мирному периоду в цивилизованной части мира.

Не должно поражать такое совпадение с началом упадка и развала главного «агента» великих перемен на мировой арене.

Такое бывало в истории, например, в период Директории после Великой Французской революции, когда внутри страны голод и посттермидорианский кошмар, а в это время Наполеон во главе своей Итальянской армии пробивает всей Европе путь в XIX век. Только Бонапарт это делал силою оружия. А Горбачев добился аналогичного прорыва в следующий, XXI век своей **динамичной миротворческой политикой «нового мышления».**

Эта политика отвечала исторической потребности человечества на переломе эпох. И поэтому была востребована и воспринята ушедшей вперед, демократической частью международного сообщества. Здесь исторический выбор Горбачева был не только правилен, но и осуществим. Его порыв на Запад (прежде всего, во имя прогресса и блага собственной страны) был в конце концов – после оправданных колебаний, сомнений, подозрений – понят. Преобразованный СССР Запад готов был принять (на определенных условиях) в свою «устоявшуюся» семью. Но СССР оказался не готов.

И неизбежная, казалось бы, конвергенция остановилась на полпути. Более того, одна из сторон этого едва начавшегося процесса разрушилась и исчезла, поощрив у другой соблазн вернуться к правилам игры в духе «старого мышления».

Внешнеполитический подвиг Горбачева не прошел даром. И это мы ощущаем в начале нового столетия… Человечество может выжить и развиваться только по критериям «нового мышления». Я имею в виду не конкретные составляющие его как доктрины, а заложенные в нем фундаментальные идеи спасительного обустройства современного и грядущего мира.

1990 год связан также с заметными переменами в отношениях между автором записок и великим Горбачевым. Но это уже частность.